Владимир Беренштам.

В. Г. КОРОЛЕНКО

как общественный деятель и в домашнем кругу.

Книгоиздательство „МОСКВА“ Берлин
1922

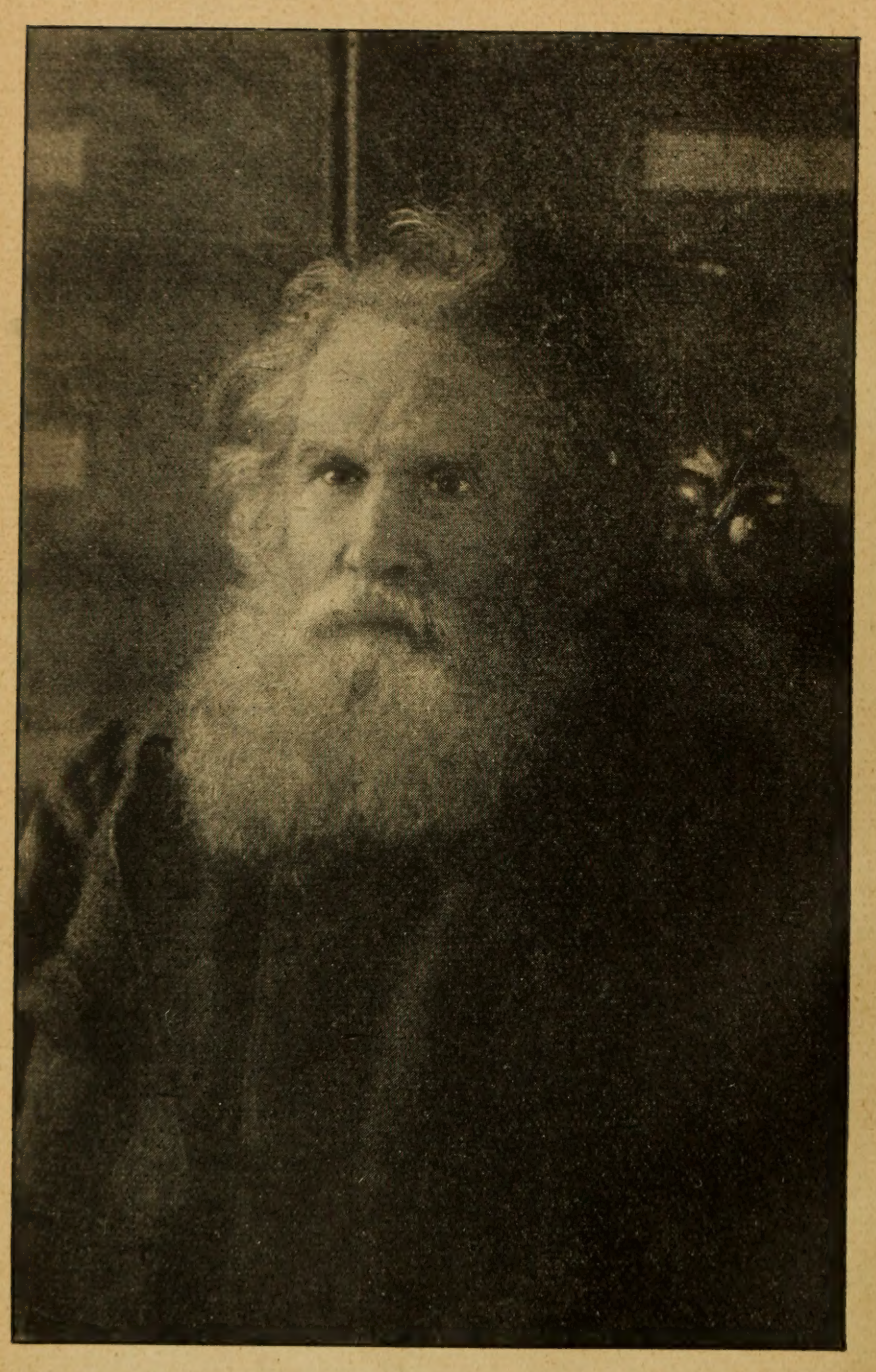
Владимир Беренштам.

В. Г. КОРОЛЕНКО

как общественный деятель

и в домашнем кругу.

Книгоиздательство „МОСКВА“ Берлин
1922

Последний портрет Вл. Гал. Короленко, снятый в июне 1921 года.

В. Г. КОРОЛЕНКО,

как общественный деятель и в домашнем кругу.

I

15 июля 1920 года в Полтаве Народный Университет устроил чествование Владимира Галактионовича Короленко. Пригласили сказать речи известного толстовца И. И. Горбунова-Посадова, меня, других.

В то время Петлюра шел с поляками на Украину. Кипела острая гражданская война. Указать на польское происхождение кого нибудь становилось опасным. „Поляк“ — это был тот-же шпион.

Горбунов-Посадов сказал короткую речь: — „В Короленке — кровь поляка отъ матери польки, кровь украинца по отцу, русского по воспитанию. Пусть же сейчас эти три народности сольются, об'единятся, как их кровь об'единилась в нем. Пусть прекратится гражданская война!“

В ответ раздалась буря аплодисментов.

Теперь здесь, заграницей *), среди оставивших родину, среди эмигрантов кипит такая же острая, гражданская, если не война, то ненависть. Когда умирает писатель, одни кричат: „он — наш!“ другие: „нет, он наш!“ И вокруг светлого имени

*) Записываю произнесенную в Праге (Чехословакия) речь, делая к ней добавления.

поэта ненависть только растет. И спорящие забывают, что четвертуют писателя...

И в тот момент, когда я собираюсь говорить о Владимире Галактионовиче Короленко, я вспоминаю речь Горбунова-Посадова. И мне хочется, чтобы сейчас, — хоть сейчас! — все об'единились в одном чувстве величайшего почтения перед памятью великого писателя-гражданина, перед вечной памятью автора —„В дурном обществе", где описывая и себя, он так много сказал в защиту униженных и оскорбленных, перед вечной памятью автора „Слепого музыканта", где и для слепого от рождения он нашел общественную работу, перед вечной памятью автора „Сон Макара", „Без языка", „В голодный год", „Лес шумит", „Огоньки", „Река играет", „Открытое письмо Ст. Сов. Филонову", „Бытовое явление", „Записки моего современника" и многих других дивных творений нашего писателя-учителя.

И чтобы положить предел спорам вокруг личности Владимира Галакт. Короленко — чей он?, я сразу скажу: — он не эмиграции, он не большевиков и не отдельной *партии*, хотя по взглядам всегда был социалистом... Владимир Гал. Короленко — всей великой своей родины, всего великого ее народа и всего того славянства, кровь которого текла в его жилах...

Когда в 1912-м году хоронили известного статистика-писателя, крупнейшего общественного деятеля России — Н. Ф. Анненского, ближайшего и многолетнего *друга* Короленко, Владимир Гал. сам нес гроб своего старого товарища, сам зарывал могилу и сказал удивительно чуткую речь о Николае Федоровиче, о той радости и свете радости жизни, который исходил от Анненского... Вспомнил молодость, пароход на Волге... Статистики, к которым присоединился Владимир Гал., плыли для обследования

Нижегородской губернии. Анненский был в своем *„обычном состоянии“*, сверкал остроумием. Кругом искрилась радость... Рядом на лавочке сидел какой-то крестьянин-пассажир, слушал разговоры и вдруг сказал: — „Да, это — необыкновенный человек! Как всем вокруг него и светло и весело!“

И говорил над могилой Анненского Владимир Галактионович, что вот стоит он над гробом своего старого друга, а в голову идут все воспоминания о радости жизни, о веселом, о свете, исходившем от Николая Федоровича...

И сейчас, когда я говорю о *только что умершем* Владимире Галактионовиче, я нахожусь в таком же положении, как человек, переживающий ярко-радостное *счастье* встреч с любимым писателем.

И я не могу не вспомнить даже такого эпизода!

Это было в 1902-м году, — странно подумать, — двадцать лет назад... — Я жил тогда недалеко от деревни Хаток, в Виноградовом лесу, один в хате на берегу Псла.. Ко мне на несколько дней приехали из Полтавы — Владимир Гал. с женой Евдокией Семеновной и дочерьми-девочками. Мы ловили неводом рыбу (причем Владимир Гал. проявил необыкновенное уменіе, ловкость и быстроту), много ходили, любовались видами. Я свел Короленок к моему отцу и к Ивану Николаевичу Присецкому — старому народовольцу, жившим в 2-3-х верстах. Помню, тогда о Псле Владимир Галакт. говорил, что по красоте горизонта и видов эта река уступает только Сибирской Лене...

И я начал убеждать Владимира Гал. купить на опушке „Винограда“, вернее за ним, но тут-же на горе, готовую усадебку с садом и неглубоким на высокой горе колодезем. *) Владимиру Гал. усадебка нравилась (мы постоянно ходили мимо нее), но он отка-

---

*) Маленькая, подгнившая хатка уже разваливалась и владелец усадебки в четверть десятины Максим Касьяненко хотел перейти с неудобной для хозяйства горы вниз в деревню.

зывался купить, говоря: — „Я враг недвижимого имущества“.

И вот, помню, шли мы купаться к берегу Винограда. Я стал рассказывать Владимиру Гал. о местных крестьянах, о разных типах. Рассказывал и об Александре Матяше: — „У него над рекой среди диких деревьев садок в Винограде. Как-то иду я тропинкой, а он вышел из кустов, протянул руку и произнес: — „Давайте познакомимся“. — Чего так? — спросил я, — ведь мы все тут знакомы. А он в ответ: — „этот сад мой. Я его стерегу, из кустов вижу, как кто себя один ведет. И вас вижу, никогда ничего не сорвете, не то что судьиха или даже сам судья...“ И я подробно рассказывал Владимиру Гал., как Матяш по своему „правду из кустов ищет“...

Начали мы купаться. Вдруг, легок на помине, — Александр Матяш. Оказывается, собрал у себя на бережку букет ажины (ежевики). Протягивает его мне: — „Нате, угоститесь“.

Мы с Владимиром Гал. поели, я оставил букет у него в руке, а сам поплыл. Владимир Гал. продолжал общипывать ягоды. Матяш присел у воды на корточки, и между ними завязался разговор. Они перекидывались словами...

Вынырнул я и слышу смех. Матяш шутя упрекает Владимира Гал.: — „ишь, вы все один с'ели! А мне за то, что собрал, ничего и не оставили!

Владимир Гал. смущенно оправдывается: — „Я думал, что вы все нам отдали“...

Матяш смеется и уверяет, что „конешно шуткует“...

И разговор между ними продолжался.

Снова слышу веселый смех. Матяш увлекся разговором, потянулся к Владимиру Гал., забылся и даже в штанах в воду влез.

На этот раз весело и заразительно смеется Владимир Гал.

Я подплыл послушать разговор и стал рядом с Владимиром Галактионовичем.

Вдруг он наклоняется ко мне и шепчет на ухо: — „Покупаю! Здесь интересные люди!“..

Уехал Владимир Гал., сделав запродажную.

Приходит ко мне Александр Матяш.

— Что это за человек был у вас? — спрашивает.

— А что? — отвечаю.

„Не простой он человек“ — говорит Матяш.

Затруднился, задумался.

— „Совсем не как все люди человек. Особенный пан“.

Шучу. Хотел выспросить Матяша.

— Да ведь вы его голым видели: человек как человек!

А Матяш: — нет, таких людей на земле мало. И не то что балакучій, а что около него как-то особенно хорошо. Не простой пан.

Да, Владимир Гал. был „не простой пан!“ От него исходило столько задушевной мягкости, радости, света тихого, что у закрытой могилы, вспоминая его, вспоминаешь и жизнерадостное...

И теперь, думая о Владимире Гал., как общественном деятеле, вернее о самой характерной черте его деятельности, я вспоминаю незначительный эпизод из его жизни.

Это произошло в 1900 году, когда Владимир Галактионович только что приехал в Полтаву. Тогда этот город был также „потрясающе“ благоустроен, как и теперь: вместо троттуаров на земле лежали доски и, становясь на один конец доски, вы часто рисковали получить затрещину от другого конца. По бокам этих трясущихся троттуаров тянулись канавы, полные вонючей воды. В один из ненастных дождливых вечеров по этим мосткам мчалась политическая ссыльная, всеми любимая, Антонина Ивановна Белинская — уже не молодой народоволец.

На встречу ей въ темноте с велосипедом в руках пробирался какой-то мрачный путник. И Антонина Ивановна, как снаряд, налетела на встречного. Оба сразу же очутились в канаве. Мрачный человек барахтался в ней с велосипедом. Так как Антонина Ивановна за словом никогда в карман не лезла, то, нарушая тишину спящего города, она негодующе крикнула: — „Что за чорт паршивый!“ Из вонючей воды раздался удивительно спокойный голос: —„Я не черт, не паршивый, а только Владимир Короленко...“ И тогда вся мокрая, перепачканная, стоящая в грязной воде уже далеко не молодая Антонина Ивановна восторженно воскликнула: — Боже мой, какая я счастливая! Я так мечтала о встрече с вами!

— Надеюсь не в такой обстановке, — отвечалъ Владимиръ Галактионович.

Так затем описывала Антонина Ивановна эту встречу мне и другим ссыльным.

Владимир Галактионович заинтересовался, далеко ли она живет и, узнав, что около южного вокзала, пригласил к себе переодеться. И через самое короткое время Антонина Ивановна уже переоделась в белье и платье жены Владимира Галактионовича Евдокии Семеновны и даже осталась у Короленок ночевать...

Почему же Антонина Ивановна, под конец жизни упорно говорившая, что люди злее собак, могла почувствовать себя невыразимо счастливой в такой исключительно неблагоприятной обстановке, почему она, только что выругавшая Короленка, могла остаться ночевать в его семье? А потому, что у Владимира Галактионовича в семье всегда находили приютъ и удивительно сердечный прием решительно все политические ссыльные без различия их направления и социального положения, — потому что у Владимира Галактионовича неизменно была настежь открыта дверь для революционера и рабочего, которых ждал братский прием...

И самой важной, самой характерной чертой В. Г.

Короленко является то, что он сам всегда был „политическим“ или, как говорят в Сибири, — „государственным преступником“ — человеком полным беззаветной любви к обижаемым людям, всегда и всюду непреклонно протестующим против какой бы то ни было злой неправды...

Я сказал о чествовании Владимира Галактионовича — 15-го июля 1920 года. Мне заранее была дана тогда тема: „В. Г. Короленко, как общественный деятель“. И я обратился к самому Владимиру Галактионовичу с просьбой предоставить для этого материалы. Владимир Галактионович дал некоторые свои книги. Затем о том же я просил и Т. А. Богданович. Она предоставила свою замечательную рукопись (без заглавія) о Владимире Галактионовиче. Т. А. Богданович — племянница и воспитанница Н. Ф. Анненского и жены его, — известной детской писательницы, — А. Н. Анненской. Татьяна Александровна выросла на глазах семьи Короленок и в сущности — член этой семьи. Живя с 1919 года в Полтаве, Богданович написала громадные по об'ему и драгоценные по содержанию воспоминания о Владимире Галактионовиче, пользуясь его непосредственным руководством, его дневниками, письмами его к покойному брату Иллариону и ненапечатанными рукописями. И в изложении своей речи я пошел по пятам за Татьяной Александровной, за ея перечнем фактов общественной деятельности Владимира Галактионовича.*) Но то, что происходило на моей памяти, отмечалъ и иллюстрировал совершенно самостоятельно. Моя речь была затем напечатана въ четырех фельетонах Полтавских „Известий“.**) Владимир Галактионович их

*) Примечание: говорю только об одной следующей главе, об остальном у Т. А. Богданович ничего не было.

**) Примечание: в это время выпуск газеты за неимением бумаги был так ничтожен, что на улице газет уже не продавалось. Газету получали только учреждения, да расклеивали на перекрестках по городу. Поэтому Владимир Галактионович ходил на улицу специально чи-

читал и мы о них беседовали. Сейчас я и могу внести в эту напечатанную речь некоторые указания самого В. Г. Короленко и в исправленном виде включаю эту речь со значительными дополнениями в настоящую работу, как одну из глав воспоминаний.

Эпизода с Антониной Ивановной, которым начиналась моя первая речь, приводимая въ следующей главе, Владимир Галактионович совершенно не помнил. Точно также не помнили ни жена его Евдокия Семеновна, ни тетушка Елизавета Осиповна. Но все они помнили, что в те далекие времена у Владимира Галактионовича был действительно велосипед, что онъ уходил по вечерам от М. И. Сосновского, что как раз тогда познакомился с Антониной Ивановной. Обстоятельства знакомства с ней совершенно исчезли из их памяти. В момент этих разговоров с Короленками я спросил тоже давнюю знакомую семьи Короленок — О. С. Волкенштейн, — еще не знавшую о нашем разговоре, помнит-ли она о том, какъ познакомилась Антонина Ивановна с Владимиром Галактионовичем? Оказалось, что Ольга Степановна прекрасно помнит этот эпизод, который и восстановила во всех деталях. За дополнения его я и обязан ей.

II

В 1870-м году — более 50 лет тому назад, — Владимир Галактионович впервые становится на свой путь протеста. Поступив в Петербургский Технологический институт, он попадает въ тайный студенческий кружок...

В феврале 1874 года Владимир Галактионович переходит в Петровскую с.-хоз. Академию. Здесь, — в Москве, — среди студенческой молодежи, растет стремление служить народу, но господствуют два течения: одно — подготовка немедленного восстания

тать эти фельетоны, о чем и сказал мне, когда я принес номера. Узнав об этом заведующий Губиздатом сделал распоряжение высылать газету Владимиру Галактионовичу.

среди рабочих и крестьян и другое—предварительная подготовка к революционной работе самих революционеров. Так или иначе от правительства не ускользает это новое движение, и обеспокоенное оно предписывает усилить надзор. Начинает работать сыск при дружном содействии инспекции Академии. Короленко и два его друга — Григорьев (впоследствии известный статистик) и Вернер составляют открытый протест против этого и дают подписать товарищам. Короленко и его друзья предупреждают, что протест подадут при каком угодно числе подписей. Из 250-ти подписывают — 96. Подают. Министр возмущен, командирует въ Москву своего товарища св. князя Ливена расследовать дело. Ливен приглашает студентов инициаторов в назначенный час. Являются. Ливен, конечно, заставляет их ждать. Но студенты, „не дождавшись“ „милостивой“ аудиенции, уходят и оставляют записку, в которой так чувствуется и Владимир Галактионович: — „Были, ждали, не дождались и ушли!“ Записку эту, как говорил мне Владимир Галактионович, написал не он, а Григорьев. Возвращаются в Академию и рассказывают. Тогда подписывают остальные. Ливен является в Академию и требует извинения. Отказываются. В результате „переговоров“ Владимира Галактионовича арестовывают и увозят в Вологодскую губернию... Время идет. Возвращают. Владимир Галактионович снова попадает в Петербург и поступает в Горный Институт. Чтобы отправиться в „народ“, чтобы получить свободный доступ в крестьянския избы для пропаганды, Владимиръ Галактионович решает научиться сапожному ремеслу... Научается и на всю жизнь остается умелым „сапожником“!

У него до последнего времени въ кабинете, на подоконнике, рядомъ со столом, на котором он обычно писал, были разложены все сапожницкие инструменты, колодки...

Владимир Галактионович весело рассказывал мне,

что у него среди Полтавских сапожников имеются знакомые, как — товарищи по сапожницкой специальности. Об одном из них Владимир Галактионович передавал, в каких выражениях этот „старик, — весьма опытный специалист, давший много добрых советов“, — рекомендовал Владимиру Галактионовичу плоский сапожницкий нож для обрезывания кожи.

— „Пойдите на Монастырскую туда-то, там есть лавочка, а въ ней сапожницкие ножи с круглой маркой. Эти ножи такой-же хорошей фирмы, как фирма писателя Короленко: честные ножи!“

Как-то весной 1920 года Владимир Галактионович обнаружил у моей жены на башмаке вместо подошвы большую дыру. Он, как знаток, обследовал подошву и выразил сожаление, что не может сейчас починить ее, т. к. врач запретил ему такую работу. И тут-же я узнал, что вся семья Короленко ходит в обуви еще недавно починенной им самим...

Во второй раз Владимира Галактионовича и брата его Иллариона Галактионовича (удивительно похожего и фигурой и лицом на Владимира Галактионовича и всеми, знавшими его, так любимого) ссылают в захолустный Глазов Вятской губернии. Короленко идет в ссылку бодро: „хоть на привязи, а путешествую!“ В ссылке он поселяется вместе с братом и двумя рабочими-слесарями. Илларион Короленко, научившийся слесарному делу еще в Петербурге, и рабочие открывают слесарную, а Владимиръ Галактионович сапожную мастерские.

Как то исправник приходит в мастерскую что-то заказать, а за одно наставить на путь истины ссыльных рабочих. И убеждая ходить в церковь, он говорит рабочим: „на небе бог, а на земле царь. У бога ангелы, а у царя исправники.“ Владимир Галактионович смеется и уже этим наживает себе врага. И они сталкиваются...

В. Г. Короленко снова письменно протестует перед губернатором против издевательской задержки исправ-

ником писем и бандеролей с книгами политических! И его пересылают в еще более глухой угол — Березовские починки. Но исправник не дремлет и продолжает мстить Короленке: он пишет ложный донос, будто Короленко покушался на побег. И Короленко ссылают в Восточную Сибирь. По дороге Владимир Галактионович попадает в Вышний-Волочек. Здесь в тюрьме, как рассказывал мне Владимир Галактионович, у него происходит первая встреча с ныне покойным Николаем Федоровичем Анненским, его ближайшим другом всей последующей жизни... В это время новый министр Вн. Дел, — Лорис-Меликов присылает сюда князя Имеретинского обследовать положение ссыльных. Имеретинский спрашивает Владимира Галактионовича: — за что вы сосланы? — Вы мне скажите это, — отвечает Короленко, — а я вам расскажу лучше, в каких условиях живут здесь ссыльные крестьяне и рабочие.

Рассказывает...

Нельзя не отметить, что Короленко был удивительным рассказчиком. Говорил он так же красиво, захватывающе художественно, как и писал. Имеретинский вносит его рассказ в записную книжку. — Ссыльным „выходит“ облегчение, но и для Короленка — неожиданный результат: его возвращают из Сибири в Пермь.

— Почему?

— Просил?

— Конечно, нет! Тут уж, разгадка в исключительном обаянии личности самого Короленко.

Не могу не вспомнить, говоря об этой его стороне, хотя бы такого эпизода. Полтавский присяжный поверенный Е. И. Сияльский в свое время, как гласный по уполномочию Думы, состоял членом Губернского Присутствия. Однажды перед заседанием к нему подходит Губернатор Князев и говорит: — „вчера был у меня писатель Короленко. Представьте себе: милый человек. Хорошо было-бы иметь таких сотрудников!“

Сияльский рассказал все это Владимиру Галактионовичу во время журфикса у Короленок.

Владимир Галактионович выслушал и „серьезно“ переспрашивает: — так и сказал — „милый человек“ и что хорошо-бы иметь меня сотрудником?

— Да...

— Ну, что-ж, буду ждать назначения меня полицмейстером... — отвечал Владимир Галактионович.

Нечего и говорить, какой общий смех присутствующих вызвало сообщение о возможности столь блестящей карьеры для Владимира Галактионовича...

В Перми Короленка застает первое марта 1881 года. Приводят к присяге на верность Александру третьему.

Короленко, как политического ссыльного, вызывают для привода к особой личной присяге.

Владимир Галактионович отказывается: я вычеркнут строем из числа полноправных граждан — не могу и дать особой присяги на верность этому строю...

Губернатор предлагает три дня на размышление.

Короленко через три дня подает письменный отказ.

Губернатор ошеломлен, снова вызывает, хочет убедить: ведь это такое неслыханное преступление, что нет даже указания на него в уложении о наказаниях: могут и казнить... Владимир Галактионович непреклонен, как.... „Короленко“!

Но обаяние его удивительной личности действует и на губернатора: „Запрошу Петербург. Собственно должен немедля арестовать вас, но на слово отпускаю.“

А в это время в Пермь приезжает Юрий Богданович.

Надо сказать, что Юрий Богданович, — как говорил мне Владимир Галактионович, — был тот самый „страшный“ террорист, который под фамилией „Кобозева“, вел знаменитый подкоп в Петербурге на Малой Садовой из сырной лавки для убийства Але-

ксандра второго. У него под видом прислуги жила и работала Прасковья Семеновна — родная сестра будущей жены Владимира Галактионовича.

Богданович начинает убеждать Владимира Галактионовича: — уедем, нелегальное положение, работа, свобода, хороший паспорт готов, ведь все равно, бог знает, что сделают...

Короленко не сдается на такой сильный соблазн: — не могу, дал слово. И отказывается только потому, что „дал слово"...

Владимир Галактионович идет в Якутскую область. Не надо забывать, что тогда не существовало еще Сибирской железной дороги, что политическим приходилось пешком совершать свой крестный путь „по Владимирке" с ея вшивыми этапами, с секретными камерами в каторжном отделении, с поездкой по Лене на лодке и в паузке... Владимир Галактионович неизменно бодр. В письме к Иллариону Галактионовичу от 11 августа 1881 г. он пишет: „настроеніе спокойное. Конечно, досадно совершать такую поѣздку Богъ знаетъ для какой надобности, но т. к. я не могъ поступить иначе, то не о чемъ и жалѣть. Куда бы ни занесла судьбина, буду работать, и это дастъ мнѣ силу выждать лучшихъ дней и свободы. Не страшно, только досадно."

— Иначе поступить не мог!... Долг человека гражданина протестовать против требований, идущих в разрез с его совестью!..

Владимира Галактионовича поселяют в Амге, Якутской области в одинокой юрте. И он снова пишет брату: „не такъ страшно. Морозецъ 40 градусовъ. Жить можно!" Его ни мало не смущают морозы, от которых, по его же словам, совесть может замерзнуть...

Почти через 5 лет Владимир Галактионович попадает в Нижний-Новгород. Он печатает свой рассказ — „Сонъ Макара". И разсказ вызывает общее внимание: появился новый, настоящий живой талант!

Сначала Владимир Галактионович поступает кас-

сиром в пароходство Зевеке, но бросает и весь уходит в литературу.

Начинает сотрудничать в Казанской газете „Волжскій Вестник“.

Вскрывает в печати панаму Александровского Дворянского Банка. Кучка дворян давала „щедрые“ ссуды дворянам, оценивала безконтрольно их дома и имения, „забывая“ об интересах мелких вкладчиков-трудящихся. Только что введен институт земских начальников, царское правительство придает дворянству преобладающее влияние, и Короленко с его друзьями срывает маску благородства с дворянства! Ревизия. Раскрыты миллионные хищения... Вкладчики успевают получить хотя части своих вкладов...

Имя Короленко, как публициста-общественного деятеля, гремит уже по всему Поволжью.

Павловские кустари приглашают его к себе ознакомиться с их жизнью. Едет. И вскрывает, к чему приводит неохраненный труд, как он губит детския жизни. Отсюда Павловские очерки. Здесь Владимир Галактионович делает ряд рисунков, о которых речь дальше.

Вокруг газеты кипит общественная жизнь Нижнего. — А между тем повсюду в Россіи — самая злая беспросветная реакция. Рука об руку работает Владимир Галактионович со своим другом Анненским. Да, с этим удивительным человеком, знать которого было величайшим счастьем для окружающих, Анненский — неизменно весел, бодр и безудержно-находчиво остроумен. Помню, при мне собралась компания, говорят: „слышно, Николай второй не хочет дать конституции“... — „Какъ же, — подхватывает Анненский, — ни за что не хочет. Он даже всемилостивейше соизволил выразиться: не понимаю, для чего еще этим верноподданным нужна конституция. Решительно не понимаю и понять не могу, разве я не самый „ограниченный“ монарх в мире“... И это слово „ограниченный“ в смысле „уже конституционный“

произносит так, что ограниченный звучит у него просто дураком. И так у Анненского всегда остроумная шутка наряду с самыми серьезными мыслями.*)

Вместе с Анненским Короленко пишет свои статьи в „Русском Богатстве“, и они подписывают их „псевдонимом“ „О. Б. А.“ — оба.

В Нижнем Короленко помогает Максиму Горькому вступить на литературный путь... Добрые отношения остаются между ними до последнего времени жизни Владимира Галактионовича. В 1921 году Владимир Галактионович показывал мне письмо Горького, видимо довольный получением его, хотя само по себе письмо было невеселое... В Нижнем Короленко и Анненский организуют лекции, рефераты. Здесь Владимир Галактионович читает лекцию о Щедрине.

А тайный надзор не отстает от Короленка.

Едет Владимир Галактионович на извощике и говорит ему: — „Тише, полицейского задавишь: человек казенный.“ А извощик в ответ: — „Это место пусто не бывает.“ — И добавляет: — „не знаешь, как и понимать полицию“... — И рассказывает о слежке за самим же Короленко!...

А Нижегородский губернатор тот все понимает: в своем всеподданнейшем отчете за 1895-й год он пишет: „В Нижнем проживают известный писатель Короленко и статистик Анненский. — Надо в Нижнем ввести усиленную охрану!“...

В Нижнем Короленко принимает участие в борьбе с голодом. Сверху сначала голод не признается. Цензор выражение „голодный мужик“ заменяет: „по меньшей мере не вполне сытый крестьянин“. Поездка Владимира Галактионовича в Лукояновский уезд всем известна. Его вечную книгу „В голодный год“ читала вся грамотная Россия. Он снова срывает

---

*) Помню еще в 1897 году встречаюсь с Николаем Федоровичем на улице. — „Говорят у вас вчера сын родился?“ — спрашивает он. —Да. — „Ну, поздравляю. А какъ вы думаете его назвать?“ — Орестом, в честь деда. — „Ну, нет, это неудобно: если вы назовете сына арестом, то дочь придется назвать ссылкой, а такого имени в святцах нет“...

маску с поставленного царем на высокий пьедестал дворянства.

Короленко сам открывает столовые для голодающих крестьян. На его имя со всех концов России сыпятся средства. Но Короленка озабочивает более глубокая, более общая причина голода крестьянства, и у него вырывается: „земли, земли!“ Попытки писать об этом парализуются доносом цензора: Короленко братается на страницах легальной печати с подпольной, с самим черным переделом. И Владимир Галактионович никогда не оставляет мысль о необходимости передачи всей земли трудящемуся на ней крестьянству. Как он относился к своему полдесятинному клочку земли в Хатках, я расскажу дальше.

Короленко борется и за религиозную свободу штундистов, баптистов...

Громаднейшее воспитательное значение для всей России имело так связанное со светлым именем Короленко — дело о Мултанском человеческом жертвоприношении вотяков! Девочка находит в болотном лесу лежащий поперек узкой дороги-тропы труп нищего Матюнина. Без головы. А потом оказывается, что у него вынуто и сердце. Власти с прокурором во главе решают, что это — жертва языческим богам вотяков. Короленко едет сначала, как корреспондент, на суд, затем на место происшествия, производит свое следствие, и вместе с ним вся Россия трепетно и с волнениемъ начинает следить за этим делом. Короленко устанавливает, что при производстве следствия полиция, руководимая прокурором, применяла пытки, подвешивала при допросе подсудимых, (пытали их и 2 ½ годичным предварительным заключением) сознательно запутывала дело. И Владимир Галактионович еще под первым впечатлением дела записывает в своем дневнике: „человеческое жертвоприношение несомненно было: если вотяки не принесли в жертву Матюнина, то вотяков принесли в жертву на алтаре полицейского и прокурорского честолюбия“. После кассации обвинитель-

ного приговора Короленко приглашает Ник. Пл. Карабчевского защищать вотяков. Карабчевский соглашается выступить при условии, что и Владимир Галактионович примет непосредственное участие в защите. Восемь дней длится дело. Власти сделали все, чтобы добиться обвинительного приговора. Подобрали состав присяжных, отказали в вызове свидетелей, устроили с'езд прокуроров, но Короленко произносит замечательную речь. Он доказывает, что администрация фальсифицировала ритуальное убийство, т. к. сердце было вынуто из умершего самой полицией, что труп одевали и раздевали, пока он валялся в лесу...

Речи сказаны.

Владимир Галактионович, теперь через столько лет радостно, весело рассказывал мне, как об'являлся приговор по этому делу.

Карабчевский не идет в суд выслушать приговор, и ложится „заранее" в постель: когда он очень волновался и не верил в успех защиты, он это иногда делал, а волноваться на этот раз было от чего. Короленко выслушивает приговор, прибегает сообщить Карабчевскому.

Громадный Николай Платонович срывается с постели, бросается на шею Короленке, повисает на нем и покрывает поцелуями...

Карабчевский покрывает Короленко теми поцелуями, которыми в это время мысленно покрывала его вся интеллигентная, вся чуткая, вся революционная Россия...

Т. А. Богданович, так хорошо, так близко знающая семью Короленок, говоря в своей рукописи об этом периоде жизни Владимира Галактионовича, замечаетъ: „можно было подумать, что вся жизнь его зависит от исхода этого дела..."

Прожив в Нижнем около 12 лет, Владимир Галактионович переезжает в Петербург. Здесь Короленко выступает на борьбу с цензурой, составляет известную записку по поводу циркуляра, непризнающего

за нетребующую предварительной цензуры „книгу“ — сборник статей разных авторов, хотя бы книга состояла более, чем из пяти печатных листов.

Въ 1898 г. в апрельской книжке „Русского Богатства“, фактически редактируемого тогда В. Г. Короленко, Н. К. Михайловским и Н. Ф. Анненским, появляется „смелая“ статья о Финляндии. Она говорит о том, что Финляндии дана конституция, излагается история вопроса и делается призыв не нарушать конституции. Начальник главного управленія по делам печати Соловьев вызывает редактора. Является Короленко. Соловьев приказывает редакции „от самой себя“ напечатать опровержение. Короленко знакомляется с материалом и не только отказывается на словах, но и письменно: „все правда!“ Соловьев снова вызывает редактора. Снова является Короленко.

— Почему пришли вы, а не Быков, подписывающий журнал? — спрашивает Соловьев.

— „Не хочу играть в прятки: Николай Константинович Михайловский и я — фактические редакторы, и лично мы за все ответственны.“

Соловьев снова требует напечатать опровержение, иначе грозит закрыть журнал. Но Короленко, конечно, категорически отказывается, и журнал закрывают к счастью лишь на три месяца. В таком коротком закрытии сказывается моральная победа личности Короленко.

Он точно каким-то гипнотизмом усмиряет входящих в раж людей: однажды, „газетный сотрудник Короленко“ входит в пустой провинциальный зал судебного заседания. Прокурор (как мне говорил Владимир Галактионович, то был в начале своей карьеры будущий министр юстиции И. Г. Щегловитов) замечает и шепчет председателю, вероятно, что вошел известный критикан.

Председатель подсылает к Короленко судебного пристава спросить, как его фамилия.

Следует ответ: „я один из публики“.

Председатель вне себя от возмущения, об'являет перерыв, зовет Короленко, набрасывается на него: — „Как ваша фамилия?"

Короленко спокойно возражает: „Фамилии скрывать не имею основания, но для вас я один из публики"...

И председатель кричит: „Да я могу..." и остановленный пристальным взглядом Короленко добавляет упавшим голосом: — „приказать подать вам стул!"

Нечего и говорить, какое громадное моральное влияние имела нравственная победа редакции „Русского Богатства" в литературных кругах.

В 1900 году Академия Наук избирает В. Г. Короленко почетным академиком. Разряд изящной словесности избирает почетным академиком также и Максима Горького.

Избрание Горького попадает на утверждение Николая второго. Он не отменяет, но на полях начертывает: „оригинально!" В. кн. Константин Константинович предлагает вопрос о Максиме Горьком на рассмотрение общего собрания Академии, и оно признает выборы его неправильными, т. к. он привлечен по политическому делу!

Короленко вне себя от возмущения. Он не только подает письменный отказ от звания почетного академика, но едет к А. П. Чехову в Ялту и убеждает его отказаться от такого „почета." И Чехов тоже посылает отказ. А Короленко все также неизменно продолжает кипучую борьбу со всякой неправдой.

По поводу убийства Сморгунера Короленко поднимает общий вопрос о пресловутых убийствах за честь мундира и т. д.

Короленко чересчур многогранен в своей общественной деятельности, чтобы каждый зигзаг его работы можно было „взять на учет!"...

Короленко всюду зовут, приглашают, его одоле-

вают! И он решает уехать в Полтаву, чтобы здесь отдаться литературной работе без помех. Но... — точно душегуб из-за угла — его уже ждет настойчивый призыв быть почетным председателем Полтавской общественной библиотеки! — Статистики и ссыльные просят его об этом, и бедный Владимир Галактионович не в силах отказать.

Семья Короленко сразу же становится центром всей ссылки Полтавщины. Короленки устанавливают свой день, которого ссыльные ждут всю неделю, чтобы собраться в „своей семье.“ И вся семья Короленок — не только сам Владимир Галактионович и жена его Евдокия Семеновна, но и старушка-мать и тетка Елизавета Осиповна делают эти вечера такими душевными, живыми, что память о них неизгладимо и навсегда сохраняется бывавшими тогда у Короленок через полные всякихъ событий и треволнений годы.

В 1902 году в Полтавской губернии вспыхивают знаменитые аграрные „беспорядки“... Начинается под Карловкой с революционной пропаганды, съ книжек „Дядько Дмитро“, — „Хитрая механика“, листовок и проч. Затем движение становится массовым. Голодные крестьяне, просьбу которых о помощи никто из властей не хочет слышать, — начинают грабить помещичьи усадьбы. Лишь в некоторых случаях крестьяне устраивают погромы. А то просто увозят к себе весь хлеб, картофель и делят. Но общий ход „беспорядков“ мирный. Все на почве крестьянского горе-гореванья, недостатка земли и бессовестной эксплоатации местных помещиков. Администрация отвечает на беспорядки поркой крестьян особенно в Валкском уезде Харьковской губернии, куда перебрасываются беспорядки. На скамью подсудимых садят 1015 человек (разбитых на группы) только по одной Полтавской губернии. Можно себе представить, скольких людей касается такое грандиозное дело, как трудна организация такой защиты. И этот удар толпы посетителей принимает на себя Владимир Галактио-

нович. Целыми днями возится он с крестьянами. У него во дворе ежедневно точно волостной с'езд, и каждого он выслушивает, каждому что-то пишет, каждому находит защитника! Этой изумительной его работы нельзя забыть! Помню наши совещания. Если в Полтавской губернии защитники не уходили с протестами из судебных заседаний, то это было необходимо не только в интересах самих подсудимых, но и общественных: иначе крестьяне легко выдали бы пропагандистов, и даже общая мера наказания была бы значительно выше. И только благодаря руководству в этом деле Владимира Галактионовича, крестьяне по тем жестоким реакционным временам так легко отделывались трехмесячным заключеніем...

Нет надобности напоминать участие Короленко в кустарном с'езде 5 южных губерний, вынесшем резкие противоправительственные резолюции, о сотрудничестве Короленко в нелегальной печати заграницей.

Но невозможно не остановиться на одном подвиге Владимира Галактионовича. В 1904 году 20 ноября в Петербурге был устроен грандиозный банкет по поводу сорокалетия судебных уставов. До этого, когда говорили на таких собраниях о необходимости конституции, громко поднимали тост — „за нее прекрасную" и на ухо шептали соседям — „за конституцию", а когда предлагали публичные тосты, то „за реформу, а не за реформы", но открытого призыва къ конституции, т. е. к уничтожению самодержавия, никто публично на организованном публичном собрании, хотя и в закрытом помещении не призывал. На это решился только В. Г. Короленко! Я помню, как бледен и взволнован был в момент этого банкета Владимир Галактионович, как сосредоточенно было его лицо... Но он решил и решил уже бесповоротно... Никакой риск не мог его остановить! После ряда речей, среди которых всем так памятна блестящая, пламенная речь Н. Ф. Анненского о „параллельной" работе судов, действующих на основании прекрасных

судебных уставов и Департамента полиции, — Владимир Галактіонович предложил резолюцию о необходимости конституции!... Впечатление этого открытого смелого поступка трудно поддается учету... Это был все тот-же Короленко, всегда только открыто протестующий...

С 1905 года*) в Полтаве образуется газета „Полтавщина" и в ней самое деятельное участие начинает принимать В. Г. Короленко. 17 Октября происходит забастовка. Рабочие наборщики бастуют, но набирают и распространяют воззвания Короленка, как набирали в Петербурге наборщики „Известия" 1-го Совета Рабочих Депутатов въ Ноябре 1905 г.

Конец Октября. Черная сотня подготовляет еврейский погром. Он назначен в определенный день. — В Черниговской и Полтавской губерниях разом. Полтавская городская Дума заседает непрерывно. Короленко получает сведение, что на базаре уже началась последняя агитация. И Владимир Галактионович является в Думу — звать на базар гласных. А в Думе разговоры о необходимости создать милицию. Короленко не возражает, но убеждает сейчас немедленно идти в толпу. Идет сам. В одном месте толпа громил уже двинулась вперед. Короленко вышел на встречу ей, положил руку на плечо первого попавшегося, стал убеждать, и толпа рассеялась...

Владимир Галактионович повсюду, снова и снова убеждает толпу. Черносотенцы видят, — дело рушится. Окружают его плотным кольцом, а тем временем другие действуют в стороне. Короленко понял. С величайшим усилеем пробивается из стены „людей". А там, сбоку, „толпа" уже набросилась на еврея и начала бить. Короленко бросается на помощь, произносит речь. Черносотенцы решаются на последнюю

---

*) Примечание. В замечательной рукописи Т. А. Богданович, которой я обязан полученными сведениями, — глава, говорящая о деятельности В. Г. Короленко в 1905 г, производит громадное впечатление. А между темъ я вспоминаю об этой полосе его жизни лишь вскользь, т. к. она не проходила у меня на глазах.

меру, готовятся избить Короленка. И в самый критический момент на базар приходят организованные железнодорожные рабочие. Молодой рабочий протискивается к Короленке, угрожающе становится рядом, заслоняет его своей грудью. Рука в кармане что-то держит. И погромщики сразу-же расходятся, почуяв, что у рабочего в руке револьвер... И целый день, и весь вечер Короленко ходит по городу, председательствует на импровизированном митинге и срывает уже готовый погром... И делает то-же большое дело, которое он уже ранее сделал по гомельскому погрому, как публицист, своей замечательной статьей „Домъ № 13“.

А на очереди снова борьба Короленко за крестьян.

Сорочинское дело! Несчастные Сорочинские обыватели поверили в „непреклонное решение“ Николая второго дать политическую свободу. Поверили в свободу собраний. Среди них на митингах работал „Николай“. Почуяв момент ареста, он скрылся. Арестовываютъ его товарища Безвиконного. Толпа отвечает арестом пристава и урядника, как заложников, и требует освобождения. На выручку пристава является исправник Барабаш с казаками. Убиты: выстрелом с дерева Барабаш, но и около 20 чел. крестьян. Остальные разбегаются. Прячутся по хатам. Прибывает член губ. правления Филонов „усмирять“ уже и без того усмиренных крестьян.

По приглашению Владимира Галактионовича я затем приезжал на защиту обвиняемых Сорочинских крестьян и евреев. Владимир Галактионович все время присутствовал на суде, постоянно давал нужные справки и в сущности руководил самой защитой... Поэтому картина ужасов „усмирения“ развернулась во всю ширь. И могу удостоверить, что более отвратительного „усмирения“ никогда нигде ни по одному делу не встречал. Филонов посылает созвать сход жителей. Собирают многих неодетыми в полотняных штанах. Филонов приказывает поголовно всем встать на колени. Держит так на снегу 4 часа, а затем избивает всех

или почти всех. Евреев поголовно. Такие-же „экзекуции“ Филонов устраивает в Устивицах и Кривом Роге уже под выдуманным предлогом. И Владимир Галактионович пишет знаменитое открытое письмо Статскому Советнику Филонову, которое и кончается указанием, что либо Филонов, либо он Короленко, но кто-нибудь должен сесть на скамью подсудимых. По словам Т. А. Богданович, при этом Владимир Галактионович преследовал три цели: добиться суда над администрацией, огласить правду и остановить эпидемию жестокости. Происходит памятное убийство Филонова, столь неожиданное для Владимира Галактионовича. Против Короленка возбуждают дело о сообщении ложных сведений против властей, но сами же судебные власти прекращают дело, т. к. все написанное Владимиром Гал. оказывается чистейшей правдой.

В 1910 году Владимир Галактионович печатает свое знаменитое „Бытовое Явление“ — свой изумительный протест против смертных казней.

Он отмечает развращающее притупленно-равнодушное отношение обывателя к этому ужасу, уже как к бытовому явлению. Л. Н. Толстой пишет Короленке письмо о том, что он не плакал, а рыдал, читая это произведение, что статьи Владимира Галактионовича надо издать в миллионах экземпляров, т. к. они сильнее всего, написанного по этим вопросам. После этого Владимир Галактионович едет к Л. Н. Толстому повидаться.

А у Владимира Галактионовича развивается и развивается особая полоса общественной деятельности — ходатайства перед властями за осужденных на казнь при всех правительствах.

Многие и многие десятки политических спасены им от казней.

Многих и большевиков спас онъ затем от расстрелов...

Смерти Иллариона Галактионовича и Николая Федоровича тяжко отзываются на здоровьи Короленка.

В 1912 году Владимир Галактионович собственноручно закапывает могилу своего друга Н. Ф. Анненского.

В. Г. Короленко откликается на дѣло Бейлиса, едет в Кiев, пишет известную статью о подтасованном составе присяжных заседателей.

Сердце Владимира Галактионовича — больно и в 1914-м году он едет в Наугейм лечиться. Война застает его заграницей и заставляет откликнуться замечательной брошюрой — „Война, отечество и человечество“, — в которой он остается все тем-же проповедником любви к человеку, сторонником мира без аннексий и контрибуций.

Всем, вероятно, памятна „полемика“ Владимира Галактионовича с А. Д. Протопоповым осенью 1916 года.

Тов. Председателя Государственной Думы Протопопов, затеявший „Русскую Волю“, самоуверенно решил, что стоит ему обратиться к Короленко с предложением принять участие в „свободной“ газете, издаваемой на средства фабрикантов-промышленников и оплачивающей громадными по тому времени гонорарами писательский труд, как Короленко соблазнится десятками тысяч и, „конечно“, пойдет къ нему.

На одном из редакционных собраний будущей газеты Протопопов и сказал, что В. Г. Короленко, Леонид Андреев и другие, самые крупные литературные силы, примут участие в его газете...

Узнав из газет о таком „приглашении“ — В. Г. Короленко в печати заявил, что работать в газете, издаваемой на средства фабрикантов, он категорически отказывается. У меня сохранилась открытка Владимира Галактионовича, относящаяся до этой полемики, характеризующая отношение Владимира Галактионовича к Протопопову. Привожу это письмо дословно, соблюдая в точности и орфографию.

„Дорогой Владимiр Вильямовичъ. Всѣ Ваши

открытки получилъ,*) а также зак. письмо и №№ „Дня". Будьте великодушны до конца. Въ „Кіевской Мысли" напечатана телеграмма, что А. Д. Прот. напечаталъ какое-то „длинное письмо", возражая мнѣ. Вотъ чудакъ! Я не знаю, — въ какой это газетѣ. Вѣроятно въ „Днѣ" (зачеркнуто: „?"), котораго никто здѣсь не получаетъ. Буду очень признателенъ, если вышлете и этотъ № съ „возраженіемъ". О немъ повидимому говоритъ Философовъ въ „Рѣчи" отъ 7 авг. А затѣмъ еще благодарю и обнимаю. Отъ Хатокъ привѣтъ. Вашъ Вл. Короленко.

P. S. Написалъ бы кому-нибудь изъ товарищей съ той же просьбой, но они живутъ по дачамъ, а Вы въ Питерѣ. 11 Авг. 1916 г.".

Прошли какие-нибудь два-три месяца, и А. Д. Протопопов показал, какой он редактор „независимой" газеты, когда так охотно одел мундир шефа жандармов и, как министр Вн. Делъ, начал подличать... Общественно чуток, как сама совесть, был и на этот раз Короленко...

Революция родит у Короленко замечательную брошюру — „Падение царской власти"...

После революции в канцелярии Полтавского губернатора обнаруживают дело о Владимире Галактионовиче. Рапорт полицмейстера. „Вчера с двух часов дня 6 Іюня 1907 года на велосипеде уезжал из своей квартиры, стоящий во главе революционного движения писатель Короленко и возвратился в 9 часов вечера." И далее идет перечень всех навестивших квартиру Владимира Галактионовича в течение целого дня. Рапорт дословно передается по телеграфу в Департамент Полиции.

Что-же!? Негласный надзор за Пушкиным был прекращен 50 лет спустя после его смерти! Неудивительно после этого, что только революция сняла тотъ же надзор с Владимира Галактионовича...

*) Прим.: Владимир Гал. просил навести ему справки. Открытки пришли разом, т. к. тогда почта в Сорочинцы приходила два раза в неделю и еще реже.

Здесь кончалась моя первая речь, произнесенная в Полтаве, ныне дополненная и исправленная. Далее в той речи следовали несколько слов о деятельности Владимира Галактионовича после революции, о внимательном отношении к нему советской власти и конец ее, где говорилось, что он не знает стариковского эгоизма, всегда полон заботы о других, почему у него — „удивительная, дивная по своей красоте старость.“

Владимир Гал., тогда уже больной, прочитав фельетон, провел пальцем по этому месту газеты и горько промолвил:

— Хорошо дивная!

И он показал на свои уши и ноги...

III

Перехожу к воспоминаниям о жизни Владимира Гал. в домашнем кругу и особенно в течение двух последних лет 1920 и 1921 года, о которых хочу рассказать также в связи с его общественной деятельностью. Воспоминания эти всплыли в памяти уже после смерти Владимира Галактионовича здесь заграницей...

Прежде всего о семье Владимира Галактионовича.

Его покойную мать я хорошо помню, т. к. много раз видел в 1901, 1902 годах. Она была тогда болезненно-слабой, худенькой, маленькой старушкой. Я всегда заставал ее сидящей в кресле, с ногами, укутанными пледом. Она как-то удивительно ласково и певуче-нежно называла Владимира Гал. — „Володя“, и голос ея до сих пор звучит в душе моей. В разговорах она уже не принимала участия, лишь изредка подавала короткия реплики. Но на еженедельных журфиксах (вечерних чаепитиях), устраиваемых для зна-

комых семьей Короленок, всегда присутствовала. Владимир Гал. относился к ней очень заботливо.

Помню, тогда-же я спросил Владимира Галактионовича:

— Какого мальчика — сына судьи вы описываете „В дурном обществе“ — себя?

— Да, себя, — отвечал Владимир Гал.

— Почему же в подзаголовке рассказа вы указываете, будто это из воспоминаний приятеля?

— Из-за мамы, — отвечал Владимир Гал., — Когда я начал ей читать по рукописи этот рассказ, она меня упрекнула: „Володя, чего ты меня заранее хоронишь?“ Рассказ начинается словами — „мне было 7 лет, когда умерла моя мать“. Мама на это и указала. Тогда я сделал эту приписку...

Жена Владимира Гал. — Евдокия Семеновна, урожденная Ивановская. Типично русское, удивительно приятное лицо. Высокая, „мужественная“. Курит. Всегда спокойная, умно-рассудительная, с большим тонким юмором. Человек чрезвычайно добрый, очень заботливый о других. Ее Владимир Гал. беззаветно любил. Их связывала сорокалетняя настоящая дружба, и она душевно спаяла их. Казалось, Евдокия Семеновна понимала его по движению губ.

Помню, лет восемнадцать назад, когда Владимир Гал. при мне обсуждал распределение комнат своего дома въ Хатках, он сказал:

— Надо мой рабочий кабинет устроить в мезонине с видом на Псел. Там будет хорошо писать. Там будет и спальня Евдокии.

Таким-же был рабочий кабинет Владимира Гал. и в Полтаве. Неразлучно с нею и в моменты творчества...

Между тем и в Полтавском и в Хатчанском домах комнат было достаточно для всех...

Въ 1921 году, когда Владимир Гал. несомненно предчувствовал близкую свою кончину, это чувствовала и Евдокия Семеновна. И действительно, здоровье

Владимира Гал. буквально с *каждым днем* заметно ухудшалось и ухудшалось. Слух, походка, речь все слабели и слабели. Но ум и мысль оставались свежими, чуткими, молодыми.

Евдокия Семеновна удивительно бодро, просто и заботливо держалась с Владимиром Гал. Только иногда не выдерживала. (При мне никогда. Знаю со слов тетушки Владимира Гал. Елизаветы Осиповны). Отойдет в сторонку и заплачет: — „Володя от нас уходит"... Смахнет слезы и снова бодрая с ним. Неизменно внимательно-заботливая.

И вот в это время меня поразил один трогательный, очень мелкий штрих в их отношениях, горячей любви Владимира Гал. к ней: он начал носить *ея* кацавейку.

Прийдя к Короленкам, я увидел Владимира Гал. в какой-то старой, заношенной ватной дамской куртке с тонким выцветшим шелковым верхом и поперечными шнурками.

— Откуда у вас такой странный пиджак? — спросил я, тем более удивленный, что осенью видел, как выколачивали пиджаки Владимира Гал., и знал, что он в них не нуждается.

— А это *ея*, отвечал Владимир Галактионович, указывая на занятую чем-то в стороне Евдокию Семеновну. Ей из Японии привез Илларион. *Она много лет носила.* А я теперь *после нея* донашиваю...

И я сразу понял, что Владимир Гал. носит кацавейку не столько потому, что хочет одеться потеплее, т. к. онъ холода вообще не боялся (в Хатках купался осенью позже других), да и дрова у них всегда были, сколько потому, что эта кацавейка „*ея*, и *она* ее много лет носила"....

Об их романе в молодости я прочел по рукописи Владимира Гал. „Записки моего Современника", данной им мне.

Впервые Владимир Гал. встретился с Евдокией

Семеновной Ивановской еще до первой высылки на собрании студенческого кружка в Московской Петровско-Разумовской академии, в начале семидесятых годов.

Когда Владимир Гал. вернулся из высылки и поступил в Горный Институт, оба брата Короленок Владимир и Илларион решили участвовать в разных демонстрациях лишь по строго соблюдаемой очереди, чтоб другой, — в случае ареста брата, — мог позаботиться о матери.

Однажды Илларион Гал. по очереди ушел на демонстративную панихиду по кому-то умершему в тюрьме (рассказываю по памяти). Вдруг прибегает друг Владимира Гал. — Григорьев и говорит, что в Петербург приехала Ивановская и будет в церкви на панихиде. Как ни связан был Владимир Гал. очередью, не выдержал и побежал в церковь, нашел среди толпы студенчества Евдокию Семеновну, обернулся к ней и не мог оторваться. Так и стоял спиной к алтарю, пока Евдокия Семеновна не сказала: — „послушайте, Короленко, разве можно так стоять в церкви?“ — Потом Владимир Гал. пошел проводить Евдокию Семеновну, они расстались в полпути на улице, и Владимир Гал. направился обратно, но обернулся и видит, как на Евдокию Сем. оглядываются прохожие и улыбаются. Эти улыбки Владимир Гал. в рукописи „Записок Современника“ об'яснял тем, что Евдокия Семеновна была тогда в принятой студентками клеенчатой шляпке, на которую и обращали внимание.

Прочел я это место, прихожу к Короленкам, возвращаю рукопись и говорю:

„По моему, Владимир Гал., вы неправильно об'ясняете, почему публика оглядывалась на Евдокию Семеновну, когда вы с ней расстались после панихиды“...

— Чем?

— Тут дело не в клеенчатой шляпке, а в том, что она была в вас влюблена, только что с вами рассталась, шла, переживала встречу и блаженно улы-

Стоят: София В. Короленко и К. И. Ляхович. Сидят слева на право: Евд. Сем., Вл. Гал., Наталия Вл., внучка В. Г. — Сонечка и Елизавета Осип.

балась... Не могла сдержаться. А прохожие глядели и себе улыбались...

Владимир Гал. ответил:

— Нет, я, может, и был влюблен, а она-то — нет...

Раз пришел я в 1921 году, в разгаре болезни к Владимиру Гал. Он был в подавленном состоянии. Жалко стало глядеть на него. Мне хотелось рассмешить Владимира Гал., привести в хорошее настроение. Чем отвлечь его от тех давящих, захвативших мыслей, которые тяжелым камнем легли на его душу?!..

И я обратился к Владимиру Гал. с совершенно неожиданным для него вопросом:

— Владимир Гал., расскажите, как вы об'яснялись в любви Евдокии Семеновне?

Владимир Гал. весело засмеялся, оживился и начал говорить.

— Собственно и об'яснения никакого не было. Все было ясно...

— Но где впервые все-таки сказали — „я люблю"?

— В Нижнем-Новгороде, на бульваре, над Волгой...

И Владимир Гал. пришел в хорошее, бодрое настроение... А через некоторое время промолвил: „Теперь я чувствую, что могу писать", и пошел в кабинет...

И так много было любви у Владимира Гал. к Евдокии Семеновне и так эта любовь и дружба всегда чувствовалась в каждой мелочи...

За то и она. По ней легко было узнать, как здоровье Владимира Гал. Если Евдокия Сем. — бледная, значит Владимир Гал. не спал всю ночь, мучился, мучилась и она.

Помню, давно, когда дочери Владимира Гал., — София и Наталия, были еще девочками, в присутствiи их и Евдокии Сем. я спросил Владимира Гал.

— Почему, Владимир Гал., вы все пишете рассказы, а не напишете романа?

— Для этого мне надо завести самому роман, — спокойно улыбаясь, отвечал Владимир Гал.

— Ну, нет, папа, этого не надо! — вскрикнула Наталия.

— Пожалуйста, папа, и не думай! — поддержала ее София.

Евдокия Семеновна спокойно подняла голову и с неподражаемым юмором произнесла:

— А по моему, Володя, ты можешь написать роман и без „романа“...

И сейчас еще помню, как весело рассмеялся Владимир Гал. и как ласково поглядел он на Евдокию Семеновну...

Летом 1920 года Владимир Гал. написал в Полтавский Губисполком заявление, что просит сделать распоряжение о запрещении местным крестьянам в Хатках разбирать его дом *по бревнам*, как то самостоятельно и буквально начали там делать с некоторыми дачами. Принять эту меру его просил сторож, приехавший в Полтаву.

Заявление это было передано через меня *). В нем Владимир Гал. писал о том, что дом этот приобретен на трудовые сбережения его и жены его Евдокии Семеновны, которая всегда являлась его товарищем и сотрудником по работе...

Да, Евдокия Сем. всегда была истинным другом — женой, верным товарищем жизненного пути Владимира Гал.

Без ужаса не могу думать о Евдокии Сем. Что съ нею!? Как сумеет она пережить смерть Владимира Гал.!?

Какая удивительная старушка тетушка Влади-

---

*) Примеч. Получив это заявление, Губисполком немедля принял самые решительные меры по охране: были посланы в два уездных исполкома Миргородский и Зеньковский телеграммы и циркулярное распоряжение о неприкосновенности дома. — Копия циркулярного распоряжения дана на руки сторожу и переслана въ ближайшие волисполкомы. Спустя некоторое время Владимир Гал. сам отдал свой дом под школу. Помню общее удовольствие, когда осенью 1920 г. учитель неожиданно прислал Короленкам яблок их собственноручных посадок.

мира Гал., — родная сестра его матери — Елизавета Осиповна! Ей наверно около 80 лет, очевидно больше. Она на руках таскала Владимира Гал., нянчила его, а ведь он умер 68 лет!

Елизавета Осиповна всем интересуется, все читает. Всегда она была полна постоянной тревоги и заботы о „Володе" и гордилась им. И, конечно, имеет право гордиться!

Елизавета Осиповна католичка, ходит в полтавский костел, а воспитала неверующего... Какая-то неисчерпаемая, тихая доброта, живые проникающие глаза и трогательная душевная чистота. Видишь серебряную, белую, белую седину, а приглядишься: сколько в этом человеке еще молодости!...

Две дочери Владимира Галактионовича — София и Наталия. Бывшие бестужевки (Петербургских Высших Женских Курсов).

По рекомендации Полтавского Комитета Социал-Демократической Партии меньшевиков София Владимировна заведывала Подотделом дошкольного воспитания Губернского Отдела Народного Образования. Была на советской службе. Теперь работает в Лиге Защиты Детей, часто присутствует в Губернском Совете Защиты Детей в Губисполкоме под председательством самого Предгубисполкома.

Своей спокойной рассудительностью и лицом очень похожа на мать. От служащих местной кооперации была выбрана членом Полтавского Совета Рабочих Депутатов, где и числилась во время моего пребывания в Полтаве, какъ с.-д. меньшевичка. Но молчала. Она и в жизни молчалива. У Софии Владимировны — несомненно большой талант художника и скульптора. Она прекрасно делала портреты — черные силуэты. Из трех бюстиков с Владимира Гал., из которых два сделаны выдающимися специалистами (одинъ академиком И. Я. Гинзбургом), бюстик самоучки Софии Влад. бесспорно более других похож! Так-же порази-

тельно похожи ее же бюстики с Евдокии Семеновны и Елизаветы Осиповны.

Наталия Владимировна, — вся глубоко ушедшая в себя, всегда тоже молчаливая, бледная, физически слабая, но очень выдержанная, чрезвычайно чуткий, нервно чуткий человек. Непохожа на других людей. Хорошо помню ее девочкой и уже подростком-девушкой в Хатках. К ней приходила „в гости“ подруга. Обе брали по книжке, молча садились в один гамак — спиной друг к другу и целый день, не говоря ни слова, читали... Теперь она больна почками, легкими. У нея всегда обо всем собственная мысль, которую она обнаруживает короткой, безусловно своей репликой в несколько слов. Она была замужем за видным меньшевиком интернационалистом, полтавским вождем их — К. И Ляховичем, недавно так трагически умершим к великому горю всех Короленок.

О нем скажу далее особо. У Ляховичей единственная дочь — маленькая лет 7-ми, Сонечка. Она крестница и любимица Владимира Гал. Худенькая, тоненькая, всегда матово-бледная. Очень умная, не по годам развитая, серьезная, вдумчивая. Для нея Владимир Гал. все бросал и бежал к ней. Ее он учил грамоте, терпеливо, настойчиво. И хотя он был „учителем“, Сонечка очень любила Владимира Гал. С нею каждый день в 12 часов дня он ходил гулять, пока мог.

Удивительна была у Владимира Галактионовича любовь к детям, уменье подойти к ним, уменье разговаривать и даже играть с ними. Конечно, когда он был здоров и помоложе.

Помню, Владимир Гал. возился в 1902 — 1903 годах с моим маленьким, ныне покойным, сыном Котей. Потом я жил в Швейцарии в Лозанне. Как-то зашел в русскую студенческую читальню, взяв с собой в проходку семилетнего Котю. Менял книги. Котя молча стоял в стороне, да вдруг как закричит на всю

читальню: — „папа, папа, смотри! Это тот человек, с которым я лазил по деревьям — Короленко!“ И глядит восхищенно, не отрываясь, на портрет Владимира Гал., висевший среди других на стене читальни. И столько радости было на личике мальчугана, что кругом все весело засмеялись...

Как-то в Хатки пришел пешком из Сорочинец маленький гимназистик в гости к кому-то из незнакомых дачников *). Очевидно за одно и „посмотреть на дом Короленко“. Лил дождь. Владимир Гал. бежал по саду. Гимназистик брел около плетня, остановил возгласом Владимира Гал. и просит: напишите мне в журнальчик ваш автограф. Короленко как ни торопился, вернулся, подошел и написал: „на память о дожде Влад. Короленко“ и скорее бежать дальше...

Хотя в нескольких штрихах вспомню о жизни Владимира Гал. в деревне Хатках (Полтавской губ., Миргородского уезда, Барановской волости).

В Хатки Владимир Гал. обычно приезжал летом, не только для отдыха, но и писать на лоне природы.

На небольшом участке земли в общей сложности в 1/2 десятины Владимир Гал. и Евдокия Сем. создали на горе, близь берега Псла, очень красивую усадьбу с домом, вернее домиком и хатой. Своего берега у Короленок не было, и они ходили вниз купаться на мой, как и вообще все желающие. Домик построили из великолепных сосновых брусьев, привезенных из Полтавы.

Купив усадебное место, Владимир Гал. решил поставить вблизи от „большого“ дома, где жил сам, библиотеку-читальню для местных крестьян. В нее Владимир Гал. хотел передавать свои газеты, а он

*) Примечание. После того, как В. Г. Короленко начал ездить в Хатки и о них, как о дачном месте, сообщалось в газетах, в Хатках появились „дачники“, нанимающие крестьянские избы. Ради них крестьяне начали делать при хатах веранды-балконы и даже деревянные полы...

получал их много: ему бесплатно высылали редакции. Хата была выстроена, но обнаружилось, что даже могущих читать в Хатках и кругом их чрезвычайно мало: старшее поколение все сплошь было неграмотно, а у грамотных детей непонятные газеты шли на цыгарки себе и взрослым, почему газеты и не возвращались.

Между тем большой дом оказался для зимы и осени холодным, а хатка теплой. И так как Владимир Гал. иногда приезжал сюда и зимой или оставался здесь поздней осенью, то хатка сделалась необходимой для своей семьи, тем более, что часто приезжали гости, которых в доме было негде разместить. Так в хатке читальня и не была устроена... И лишь после смерти Владимира Гал. осуществляется эта его давняя мечта... Совет Народных Комиссаров Украины постановил купить усадьбу Короленок под школу и читальню его имени, войдя в соглашение с семьей Владимира Гал.

Домик Владимира Гал. очень красив и поставлен фасадом с верандой к реке. На верху — мезонин в одну комнату. Сначала на доме Владимира Гал. была сделана несгораемая соломенная крыша из кулей соломы, густо пропитанных глиной и сбитых мастером особой лопаточкой. Земство в целях борьбы с пожарами пропагандировало устройство таких крыш, высылало за плату своих мастеров. Владимир Гал. и пригласил их. Потом эту тяжелую, всегда сырую, крышу заменили узорчатой из обожженной разноцветной черепицы тоже земской работы, т. к. земство пропагандировало и черепицу. Таким образом земство из Короленковского дома сделало „крышную рекламу". И действительно крыша Короленковского дома на всю округу известна своей красотой. Вокруг дома Короленок уже и раньше был разведен небольшой сад — старый абрикос, большая груша, еще что-то. Владимир Гал. и Евдокія Сем. собственноручно насадили много фруктовых деревьев, роз, сирени, а на

пустыре разбили и пустили березовую рощу. Кроме того, Владимир Гал. вне усадьбы вырыл за свой счет колодезь для общего пользования всех соседей, а свой старый засыпал.

К Владимиру Гал. земство проявляло любовь и заботу. Рядом с его домом был овраг. После каждого сильного дождя весь поток воды с горы и поля устремлялся сюда и все больше и больше подмывал сад Короленко. Миргородский уезд вообще страдает от оврагов, поля часто портятся потоками воды, и земство имело в своем распоряжении специалистов по борьбе с этим злом. В Хатки прислали целую комиссию, засадили овраг деревьями, сделали лестничные, плетневые и земляные заграждения, и теперь овраг более не размывает, а то он грозил уже перерезать и общую для всех дорогу.

Прикупив рядом для огорода небольшой пустой участок земли тоже въ 1/4 десятины, Владимир Гал. по прежнему не проявлял инстинктов собственника земельной недвижимости. Наоборот. Его отношение к этой недвижимости неизменно оставалось давним. Рядом с огородом Короленок находился небольшой двор Мыколы Касьяненко. Купив себе землю, Владимир Гал. сразу-же в ответ на жалобу Мыколы, что ему для хозяйства негде повернуться, подарил Касьяненке кусок своей огородной земли...

Мыкола сделался „сторожем“ Владимира Гал., жил рядом, исправно получал от Короленок жалованье, а сам занимался извощичьим промыслом, возил всех желающих... Владимир Гал. был на редкость добрый „хозяин“...

Нельзя не отметить, что вообще Владимиръ Гал. охотно и легко оказывал материальную помощь просящим. Не раз его обманывали, или пропивали данное...

В отношениях с крестьянами Владимир Гал. был чрезвычайно прост и дружелюбен, как и вообще со всеми. С каждым, кто к нему обращался или кто его

окликал, он очень охотно разговаривал, никогда не жалея для этого времени, терпеливо каждого выслушивал, а при спорах всегда как-то необыкновенно быстро улаживал ссоры. Крестьяне, особенно старики, и ходили къ нему посоветоваться. Я не раз заставал его так беседующим у ворот своего двора. Когда Владимир Гал. решил вырыть общий колодезь вне двора по ту сторону дороги, он сходил на сход и попросил разрешения, т. к. это был выгон. Конечно, разрешение охотно дали.

Как-то поздней осенью на моем бережку купался один Владимир Гал. Этот ранее болотистый бережок полуостровка я собственноручно в компании с Матяшем убрал, выполол водоросли, навозил в лодке много песку, высыпал его на дно реки, и берег полуостровка, заросшего и засаженного мною лозой и вербами, сделался лучшим из окружающих. Потом его убирали и другие, в том числе рвал водоросли и Владимир Гал. На берегу купались мужчины и женщины, иногда бывала очередь, а каждый подходящий спрашивал — „нет ли кого?“ Голоса „своих“ мы все знали. Достаточно было такого короткого слова, как „я“.

Мимо бережка на этот раз шел подвыпивший крестьянин Симбиленко. Он крикнул:

— Кто купается?

— Я! — отвечал Владимир Гал.

— Кто это „я“? — многозначительно спросил Симбиленко.

— Владимир Короленко, — отвечал Владимир Галактионович.

— А кто вы такой? — шутливо строго, как начальство, переспросил Симбиленко.

— Я писатель Владимир Короленко, — снова отвечал тоже шутя Владимир Гал., — а вы кто?

— Я — Клавдий Симбиленко. Вот оно как! Вы — Владимир Короленко, а я Клавдий Симбиленко! Вы писатель, а я — пильщик!, — весело и довольный своим остроумием заметил Симбиленко.

Он подошел къ бережку, присел и между ним и Владимиром Гал. завязался разговор...

— Умный человек — Короленко, — говорил затем Симбиленко, рассказывая, как он „познакомился“ с Владимиром Гал., — приятно с ним поговорить...

Об этой встрече любят шутливо рассказывать в Хатках крестьяне: — „Вы писатель, а я пильщик! Еще в 1919 году мне они о ней вспоминали, а когда я спросил в 1920 году Владимира Гал. о встрече с Симбиленко, он даже и не помнил...

Во время войны Владимир Гал. писал крестьянам письма к солдатам и военнопленным. Помню, Антонина Диденко принесла мне затасканный конверт с адресом в действующую армию, надписанный харктерно аккуратным, мелким почерком Владимира Гал.

— Это что такое? — спросил я.

— Это образец, как писать письма, мне Владимир Гал. оставил. Пишите так! Тогда наверно дойдет!

В Хатках задолго до революции Владимир Гал. делал нам подробный доклад о посещении Л. Н. Толстого. А когда бывали совместные громкие чтения нелегальной литературы (хорошо помню чтение книжки с воспоминаниями прежнего Савинкова об организации убийства Плеве), и мы собирались у незабвенной М. Н. Горбачевской, на этих чтениях всегда присутствовал Владимир Гал.

Замечательный доклад о Гоголе сделал Владимир Гал. на открытии памятника в Сорочинцах, куда мы хатчане пришли или приехали.

В Хатках мы все знакомые семьи находились под постоянным „негласным“ полицейским наблюдением. Бывали обыски подряд у всех, кроме Короленок. Между моей хатой и Короленками теперь построила хату жена доктора А. А. Волкенштейна Ольга Степановна. Здесь летом всегда проживала

Ольга Степановна с внуками. Доктор Волкенштейн известен в губернии, как лучший врач.

Однажды в Хатки разогнался местный становой пристав:

— Где доктор Волкенштейн? — спрашиваеть меня, проезжая по лесу „Виноград“.

— Его нет.

— Как, еще не приехал?

— Он и не думал приезжать...

— Ну, положим! Он в письме к жене писал, что приедет в Хатки на два дня, вчера должен был быть, мне хочется с ним посоветоваться, как с врачем...

— Не знаю. Но его здесь нет.

— Наверно?

— Наверно. Я оттуда.

— Ах, какая досада! 18 верст от Шишак понапрасну гнал лошадей...

Иду к Ольге Степановне. Оказывается, А. А. действительно писал ей в закрытом письме, что приедет, но затем передал на словах, через едущего из Полтавы, что не может.

Рассказываю об этом Владимиру Гал. Он весело смеется.

— И хорошо, пусть чужих писем не читает!...

Мы организовали в Хатках общественную почту, по очереди ходили, ездили или посылали в Сорочинцы за 10 верст. Как дежурный почталион, Владимир Гал. был лучше всех. Раньше он ездил за почтой на велосипеде и даже сам развозил ее по домам.

Владимир Гал. был необыкновенно наблюдательный человек. Однажды, его дочери, тогда еще девочки, куда-то ушли. Владимир Гал. почему-то хотел поскорее найти их. Мы поднялись на гору, чтобы посмотреть на Псел против воды и на луг того берега. Их не было видно.

— Ну, пойдем еще по направлению к Барановке, — предложил Владимир Гал.

Мы пробрались за Виноград, вышли на такое место, что был виден загиб берега, за которым дальше скрывалась река.

— Мои девочки несомненно там на лодке плывут, — сказал вдруг Владимир Гал., указывая в сторону реки за горой. — Я теперь уверен в этом.

— Почему вы так думаете? — удивился я.

— А вон на берегу стоят дети...

Я посмотрел: крестьянские дети кучей стояли на высоком берегу.

— Ну, и стоят! — отвечал я...

— Они все смотрят вниз, все стоят спиной к нам, то-есть глядят на реку. Наверное там девочки плывут на лодке — это и заинтересовало детей.

Мы пошли и сразу нашли девочек.

Владимир Гал. в жизни был находчиво остроумен, полон юмора. Его характеристики в несколько слов оставались в памяти навсегда. И в каждом человеке он улавливал самое характерное.

Помню в Хатках отзыв Владимира Гал. об одном писателе, который у всех занимал деньги и никогда никому не отдавал.

— Он человек особенный. „Философический". Даже о самом себе философствует: „Я всегда во всем сомневаюсь, хотя-бы в таком, казалось бы, пустяке: я курю папиросу или она меня курит?" Но он никогда не колеблется в одном: сам одолживает у всех деньги, никогда никому не отдает и никогда никому не занимает. Тут он действует без сомнений и ошибки...

— Неужели и вас, Владимир Гал., нагрел?

— Три раза.

— Зачем же вы давали? Ведь знали?

— Знал... А я все хотел узнать, неужели не отдаст и на этот раз?

— И дорого вам стоило это любопытство?

Владимир Гал. добродушно смеется и машет рукою...

Как-то в Хатках зашел разговор о модном тогда богоискательстве.

Владимир Гал. рассказал о девице Z., проповеднице Христа, снова пришедшего уже в жизнь, у которой из Нижнего Новгорода завязалась переписка с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым.

Владимир Гал. говорил:

— „Z. была девица некрасивая, небольшого роста, отчаянная неряха. Писала нам в газету театральные рецензии. Она умела всюду проникать. Помню, однажды она в чем-то убеждала инженера. Тот не выдержал. Садится верхом на лошадь удирать, а она какъ-то необыкновенно ловко влазит сзади и — себе садится! Напало на Z. какое-то религиозное настроение. Своего отца растратчика посадила вместо себя в редакцию, да и начала проповедывать. Меня за Христа, снова сошедшего па землю, принимала. Теоретически, но обо мне, конечно пе называя, и писала Победоносцеву. Показала мне свой дневник, полный религиозного экстаза. И все обо мне. Ну, просто: я тогда был молод, большая борода и сам красивее. А религиозный экстаз часто в эротику переходит“...

В Хатках Владимир Гал. писал продолжение „Бытового Явления“ для „Русского Богатства“ и с моих слов описал историю дела Маньковского. Я как раз уезжал, и Владимир Гал. просил передать рукопись в редакцию своего журнала. Он прочел мне написанное по рукописи. Времени было мало, оба мы торопились.

Я испугался за Владимира Гал., так резко он писал и как ни спешил, но заговорил:

— Владимир Гал.! Да ведь вас за все это безусловно посадят на скамью подсудимых и осудят! Ручаюсь вам в этом, как старый адвокат...

— Я охотно иду на это, и буду только этому рад, — отвечал Владимир Гал.

В городе Полтаве семья Короленок чуть не двадцать лет проживала в доме доктора Будаговского по Малой Садовой ул. № 1. Вход с улицы. Дом был выбран во вкусе Владимира Гал. — одноэтажный с большим садом. Ранее рядом находился пустырь. Теперь это—городская площадка,—„бульвар“,—называемая населением Полтавы „Короленковской“, с широким видом и далями в сторону долины реки Ворсклы. Сюда часто выходил погулять Владимир Гал. и послереволюционная Городская Дума убрала площадку, поставила скамьи и засадила деревьями, за спиной скамей. Теперь и дом тоже называют „Короленковским“. Раньше „дом Короленок“ был всегда полон гостей, но последнее время, говорю о 1920 и 1921 годах, у Короленок мало и редко кто бывал, конечно, в связи с болезнью Владимира Гал. Кроме врачей изредка навещал Я. К. Имшенецкий. Отдельные приезжие. Чаще приходили семьи М. И. Селитренникова, Т. А. Богданович и моя. Нельзя не сказать хотя несколько любящих слов о Селитренниковых. Они очень помогали семье Короленок переносить разные хозяйственные затруднения, постоянно выручали их. Михаил Иванович, например, взял участок огорода для своей семьи и рядом для Короленок. И Короленковский огород был в прекрасном состоянии, благодаря неустанному тяжелому физическому труду шестидесятилетнего исхудавшего старика-статистика Михаила Ивановича...

Моя дочь, десятилетняя Наташа, — крестница Владимира Гал., который никогда этого не забывал. Ее он всегда встречал, как родную, интересовался ее развитием, что она „пишет“. А она, — помню, — прочитав рассказ „Старый Звонарь“ — „сочиняла“ переложение рассказа Короленка... И Владимир Гал. убеждал Наташу, что писательнице „страшно важно“ писать разборчивым почерком.

Других, кроме врачей, сейчас как-то не вспомню....

Зато в день именин Владимира Гал. поздра-

вить его являлась масса народу, стол изобиловал „редкостным“ угощением... 15 іюля 1920 года на столе был целый окорок телятины... То разные профессиональные союзы приходили поздравить Владимира Гал. И столовая бывала целый день полна посетителями.

В квартиру Владимира Гал. с улицы вел светлый холодный коридор, упиравшийся в дверь на веранду. Из коридора сбоку другая дверь в широкую, но темноватую переднюю, а отсюда в столовую — зал, а поперек передней в комнаты дочерей. В коридоре стояли полки с книгами, лежали кипы газет. В столовой тоже стояли полки и шкаф с книгами. На стене висел большой написанный масляными красками портрет Владимира Гал. въ возрасте около 40 лет работы Ярошенко. На другой стене типографский в рамке портрет Н. К. Михайловского, карточка в рамочке самого Владимира Гал. в молодости, большой картон со многими рисунками Елизаветы Бем по наброскам Владимира Гал. из быта Павловских кустарей. Около дверей столовой прекрасная картина масляными красками — скалистый берег моря с необ'ятной далью спокойного бирюзового моря работы самого Владимира Гал., кажется копия с Айвазовского.

В. Г. Короленко был настоящим художником — хотя и самоучкой. Если бы он не пошел по пути писателя, он сделался бы большим художником-рисовальщиком. Несколькими штрихами карандаша он легко схватывал сходство. Его рисунки действующих лиц одного из судебных процессов с характерными фразами каждого — были великолепны. Удивительно тонкими и точными выходили также рисунки карандашем с природы, особенно поразительны наброски с видами построек Якутска. Владимир Гал. бросил рисовать, когда ему подарили фотографический аппарат. Потом он забросил и фотографию, т. к. весь отдался писательству.

В застекленном шкафу перед книгами стояли бюстики Владимира Гал., Евдокии Семеновны и Елизаветы Осиповны. Над столом посредине висела круглая, ранее керосиновая теперь электрическая столовая лампа. В углу находилась высокая конторка для работы, стол, простенький узкий — зеленосерый диван с такой-же простенькой резьбой, небольшие круглые стенные часы...

Кабинет, а в то-же время спальня Владимира Гал. и Евдокии Сем. тоже была просто обставленная комната. Две „студенческих" кровати, стоящие у разных стен, посреди „круглый" стол, у окна письменный стол с фотографией Н. Ф. Анненского и снова конторка. Над столом открытая полка из ряда небольших отделений для раскладывания материалов, газетных вырезок во время писания, а на стене в застекленной рамке большой портрет красавца учителя словесности из гимназических лет Владимира Гал. Далее по корридору шли комнаты, одну из которых занимала Елизавета Осиповна... Часть окон квартиры выходила на улицу, часть во двор. Два окна столовой — на улицу и два окна кабинета — спальни Владимира Гал. во двор, заросший деревьями с коровником...

Во дворе, ранее гладком пустыре, теперь на моих глазах превратившемся в разросшийся густой сад, — стоял дом, где жил с семьей популярный в Полтаве доктор Будаговский. Когда умерла его жена, и он растерялся, тосковал, Короленки пригласили его ежедневно обедать у них.

Такова была та чисто внешняя обстановка, в которой жил и творил Владимир Галактионович.

IV

Вся заграничная русская печать, а с ея слов также иностранная, полны сообщениями об унижении

и оскорблении советской властью Владимира Гал. и неустанной борьбе его с нею и ея с ним.

Я нисколько не собираюсь вступать в какую либо полемику с отдельными органами заграничной печати по поводу сообщений о В. Г. Короленко, т. к. хочу рассказать только правду о нем, а не возбуждать вокруг его светлого имени ненависть, вражду и споры.

Поэтому, приводя дословно в ковычках сообщения газет, я не называю ни самих газет, ни авторов статей, некоторые из которых подписаны.

„Короленко много боролся с ними (большевиками), не столько себя отстаивая, сколько других“.

Прежде всего Владимир Галактионович никогда, ни в какой мере и ни с кем из большевиков не боролся, „себя“ отстаивая.

Нечего и говорить, что такая борьба за себя была безконечно далека от его душевного уклада в последние два года!.. Только не зная ничего о Владимире Галактионовиче, можно было написать эти строки! Да в такой борьбе и не было никакой надобности. Советская власть делала все возможное, чтобы материально и в других отношениях обеспечить Владимира Гал. и его семью, чтобы охранить неприкосновенность его жилища. Удавалось ли это или нет — другой разговор. Но что такая забота имела место — несомненно... А Владимир Гал. — в годы продолжающейся кипящей революции, годы гражданской войны, — менее всего думал о себе, он все время был полон тревоги о других... и только о других...

Полтавский Губисполком в своем заседании постановил: „идя на встречу душевной потребности широчайших кругов трудящихся снять с Владимира Гал. Короленко заботу об условиях его жизненного существования и в целях осуществления теперь же этого постановления начать доставлять ему продукты“. Владимир Гал., получив извещение Губисполкома с копией постановления, ответил в письме благодарностью за заботу, но отказался принять обеспечение,

указав, что всегда был свободным писателем и никогда не состоял на иждевении у государства. Точных выражений письма не помню, но так Владимир Гал. лично мне мотивировал свой отказ, рассказав содержание ответа. Когда он передавал его, то чувствовалось, что предложение было ему неприятно и досадно самой мыслью, что он может брать от когонибудь, а тем более от какой-бы то ни было государственной власти, содержание.

Следует отметить полную солидарность в этом вопросе с Владимиром Гал. „хозяйки дома“ — Евдокии Сем., — на которой лежала трудная забота о пище для семьи. У Евдокии Сем. не было ни малейшего колебания, что именно так надо ответить.

Перед тем нуждаясь в продуктах, семья Короленок продала на базаре ящик с серебряным сервизом, поднесенным к пятидесятилетию Владимира Гал. кажется сотрудниками „Русского Богатства“. На сервизе была выгравирована соответствующая надпись. Узнав, что на базаре продается такой сервиз, местная Кооперация выкупила его и затем поднесла обратно Владимиру Гал. в день его именин.

Комиссия Отдела Народного Образования Полтавщины при Опродкомарме (Губернском Продовольственном Органе) на основании общего декрета и снова по собственной инициативе постановила выдавать В. Г. Короленко за литературные заслуги академический паек. Этот паек распространяется также на членов семьи. Нечего и говорить, что Владимир Гал. не добивался никакого пайка. Наоборот, он снова отказался по тем же основаниям, и снова его поддерживала в этом решении Евдокия Сем., сказав: — „Не надо, Володя“.

Что касается до того, что Владимир Гал. точно также не боролся, „себя отстаивая“, в других отношениях, то это будет очевидно из дальнейшего.

С большевиками, как с врагами, Владимир Гал. опять-таки не боролся, ибо нельзя же считать

„борьбой“ его „Письма к Луначарскому“, о которых речь далее. Наоборот, когда Деникинцы хотели расстрелять большевиков, и Владимир Гал. узнавал об этом, он шел просить за большевиков и не раз спасал их. Так, когда пришли Деникинцы, Владимир Гал. спас в Хатках Егора Ростовского, которого уже вели на расстрел, дал ему в руки письмо, обратился к офицеру, и я не забуду рассказа мне самого Ростовского об его переживаниях, рассказа, полного величайшей благодарностью к Владимиру Галактионовичу. Так, в момент эвакуации деникинцев уже в 2 или 3 часа ночи Владимир Гал. отправился по пустынным темным улицам оставляемой страшной Полтавы в Европейскую гостиницу, в деникинскую контр-разведку, куда только что привезли для расстрела шесть большевиков и убедил сохранить их жизнь.

Я ни разу ни при каких обстоятельствах не замечал у Владимира Гал. хотя бы раздражения против отдельных лиц за их большевизм, за их принадлежность к коммунистической партии. Для него среди большевиков были и хорошие и плохие люди, честные и бесчестные, искренние и лживые, идейные и мерзавцы... Я хорошо помню, что в 1921 году Владимир Гал. сказал мне: — „Теперь я пришел к убеждению, что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Большевизм естественно явился в России“. И Владимир Гал. высказал мысль, что массы народные — с большевиками, ибо они естественные представители именно русского народа с его прежней дореволюционной культурой, стремлением получить все сразу и привычкой к произволу. И потому, — думается мне, — Владимир Гал., отдавший жизнь „на служение народу“, даже и не мог „бороться“ с большевиками, ибо не мог идти против своего народа. Он мог только убеждать большевиков. Это он и делал. В этом смысле Владимир Гал. действительно „других все время отстаивал“.

Если Владимир Гал. и боролся активно с кем-

нибудь, то лишь с отдельными представителями местной власти на Полтавщине. Представители же этой власти постоянно менялись. Были разные люди. Среди нихъ попадались такие, которые относились к Владимиру Гал. исключительно внимательно.

Однажды Владимир Гал. начал упрекать искренно почитающего его Председателя Губисполкома, — старого революционера рабочего, — в ненужной жестокости местной власти. Предгубисполком слушал и все ниже и ниже опускал голову. А Владимир Гал. усовещевал его. Вдруг Предгубисполком поднял голову и произнес: „А все-таки впереди огни!“... *) И услышав свои слова, Владимир Гал. улыбнулся и умолк.

Пост сначала заместителя, а затем Председателя Полтавского Губисполкома более продолжительное время занимал галичанин-интеллигент-юрист. Этот Предгубисполком был энергичный, умный, очень способный человек, но стоял за беспощадные расстрелы бандитов и спекулянтов, как и вообще стоял за крутые, жестокие меры. Он говорил: — „надо показать буржуазии, что твердая советская власть существует и на Украине“.

Нельзя упускать из виду, что Полтавская губерния долгое время находилась точно на вулкане. Петлюровская организация избрала ее центром своей агитации. Бандитизм был широко разлит. С ним непрерывно велась упорная борьба. Близко подходил театр военных действий, когда шел к Киеву Петлюра, ведя за собой на этот раз поляков. На город временами обрушивались эпидемии. Его надо было чистить, заставлять население при отсутствии вывозки как-то убирать дворы и улицы. Проходили войска. Квартир не хватало. Происходили спешные выселения, реквизиции мебели, а у ремесленников кустарей инструментов для советских мастерских, починки обуви и одежды для Красной Армии. Размах адми-

---

*) ПРИМЕЧ. Конец стихотворения в прозе В. Г. Короленко — „Огоньки“.

инистративного „твердого“ воздействия был широкий, настойчивость Предгубисполкома — поразительна, а юрисконсульт Губисполкома, — „маленький человек“, — оказывался совершенно безсильным в проведении законности и гуманности при такой „военно-осадной“ обстановке. Я упрекал Предгубисполкома в жестокости и допущении жестокости, говорил, что задыхаюсь в такой атмосфере. Были случаи, когда заявлял о желании получить отставку. Предгубисполком иногда уступал в моих домогательствах, а на службе оставлял. На Полтавщине была об'явлена милитаризация советских служащих, вызванная гражданской войной*). Уйти со службы вообще было невозможно. Предгубисполком сам признавал за собой жестокость, но говорил, что без нее нельзя в революционное время и в такой исключительной обстановке обойтись.

Владимир Галактионович все это видел и переживал, ибо население шло к нему с жалобами, а он сам-же направлял ко мне разных лиц для защиты.

Однажды я пришел вечером к Владимиру Галактионовичу. В этот день я подал прошение об отставке, вызванное выселением втечении суток всех жильцов большого дома с отобранием у всех мебели и даже постелей. Делалось это вопреки прямому запрещению Декрета Совнаркома. Мое прошение не было принято, на нем сделана надпись: „в увольнении отказывается“, но распоряжение смягчено. Владимир Галактионович уже слышал об этом. Он скорее обыкновенного пошел ко мне на встречу, молча обнял и поцеловал.

Как-то после ряда просьб Владимира Галактионовича за разных лиц Предгубисполком обратился ко мне.

— Я хочу прочесть Короленка. Будьте добры, дайте что-нибудь из его вещей.

*) ПРИМЕЧ. Теперь милитаризация, с прекращением военных действий отменена. Точно также отменены расстрелы в административном порядке, реквизиция мебели, которую можно продавать. О защите интересов труда кустарей и ремесленников говорит и „Положение о новой экономической политике“.

Я охотно согласился достать для Предгубисполкома сочинения Короленко, в надежде, что, прочитав их, Предгубисполком будет внимательнее относиться к заступничеству Владимира Гал.

Пришел к Короленкам попросить книгу и спросить совета, что именно дать.

Владимир Гал., знавший уже Предгубисполкома, предложил первый том издания „Русского Богатства" (где рассказы „В дурном обществе", „Сон Макара", „Убивец" и др.), а также книжку „Бытовое Явление" и дал мне эти книги для передачи.

Я протянул Предгубисполкому первым „Бытовое Явление".

Он взял книжку, медленно прочел заглавие и обратил внимание на подзаголовок: „Заметки публициста о смертной казни".

— Для чего вы это мне даете? — спросил он, улыбаясь и указывая на подзаголовок.

— Хочу вас перевоспитать, — ответил я.

— Меня?! — живо переспросил Предгубисполком и захохотал.

— Да, вас, — сказал я, — вы над этой книгой хохочете, а Л. Н. Толстой над ней рыдал. Прочтите!

Он взял.

Предгубисполком часто просьбы Владимира Гал. исполнял, хотя другие Предгубисполкомы, особенно рабочие, делали это охотнее, т. к. сами *воспитались* на Владимире Гал.

Осенью и в начале зимы 1919 года Владимир Гал. жил в санатории доктора Яковенко под Шишаками. Затем он и Евдокия Сем. переехали в самые Шишаки. В это время на санаторию было произведено нападение с целью грабежа. Бандиты стреляли в дом. Одна из их пуль дала рикошет, отскочила от стены и ранила одного из нападающих. Бандиты решили, что в них стреляют из засады и убежали, оставив на снегу раненого, который громко стонал.

Доктор Яковенко вышел во двор и увидел замерзающего, истекающего кровью бандита. Как врач, он мягко тут-же оказал ему помощь и отвез в Шишакскую больницу. Этот факт произвел большое впечатление на бандита. Лежа в больнице, он рассказал, кто были с ним. Это происходило в период, когда Деникинцы ушли, а советская власть не появлялась. Пришла большевистская власть, — и на посту начальника милиции в Шишаках оказался один из названных бандитов... *) Узнав об этом, Владимир Гал. заволновался, просил меня передать об этом Заведующему Отделом Управления. Я сообщил. Завгуботуправ — бывший наборщик, искренний, старый революционер и талантливый человек, относился к Владимиру Гал. очень внимательно. Он сказал, что на основании простого рассказа, ничем, хотя бы запиской, не подтвержденного, не считает себя в праве принимать решительные меры. Владимир Гал. ответил, что он ничего не решается писать, т. к. боится мести в отношении Яковенка, совершенно беззащитного в деревне. Бандита за неимением достаточных улик могут освободить и тогда малейшая репрессия в отношении бандита будет отнесена им на счет ни в чем неповинного Яковенка. И, конечно, бандит убьет Яковенка из-за угла. Владимир Гал. просил придумать какой либо иной выход. Поступили так. Завгуботуправ решил оторвать бандита от возможности прятать награбленное, т. е. от местных жителей и перевел его в другой уезд с установлением за ним бдительного наблюдения. Затем через некоторое время заместитель Завгуботуправа вызвал бандита в Полтаву, где и оставил на низшей должности, установив и здесь наблюдение... Я не знаю конца этой истории...

„На верхах“, в центре советской власти Влади-

*) ПРИМЕЧ. Это произошло благодаря тому, что преступление было совершено в междувластие, почему и расследования никакого не могло производиться, а население вообще боялось разбойников и, даже зная их, молчало... С бандитизмом советская власть упорно боролась т. к. он разросся во время деникинской власти.

мира Гал. поддерживали и при том поддерживали даже в его борьбе с отдельными представителями власти на местах, помогая восстанавливать правду. Не смотря на внепартийность Владимира Гал., центральная советская власть, подобно всей мыслящей России, верила ему, как олицетворению „народной совести.“

Так назвал Владимира Гал. в своей речи на Всероссийском Съезде Советов и вождь коммунистической партии на Украине Феликс Кон, сообщая о его кончине.

В Известиях Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета за 1919 год (тогда в Киеве) было опубликовано постановление Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета — Верховной Власти страны, гласящее, что ВУЦИК предписывает всем учреждениям и должностным лицам на местах, в виду сведений о болезни Вл. Гал. Короленко, особенно бережно относиться к личности и спокойствию Короленка и принимать к тому все меры. Когда в 1920 году я попросил Владимира Гал. дать мне это постановление, он не знал, где оно...

Полным уважения было отношение к Короленке и со стороны Правительства Украины — Совета Народных Комиссаров и его главы. Это прежде всего видно, хотя бы из постановления Совнаркома Украины воздвигнуть в Полтаве памятник Короленке не позже шести месяцев со дня смерти, а также об увековечении памяти наименованием разных учебных заведений его именем.

Глава Правительства Украины Х. Г. Раковский был связан с В. Г. Короленко двадцатилетним добрым знакомством. Еще в 1900 году Владимир Гал. спасал в Петрограде Раковского от высылки из России, как иностранного подданного, хлопотал за него через разных лиц. И насколько это знакомство было близко сердцу В. Г. Короленко, ясно из следующих эпизодов.

В 1917 году в дни Временного Правительства в Петроградских газетах была опубликована телеграмма Военного Министра А. И. Гучкова к комитету офицерских и солдатских депутатов Румынского фронта русской армии об освобождении из тюрьмы в Яссах Раковского русскими солдатами. Гучков упрекал солдат в том, что они вмешиваются в румынские дела и освободили „явного германофила Раковского". Получив телеграмму Гучкова, Комитет вынес постановление, что солдаты освободили Раковского, как деятеля международного социализма, давно связанного с русской революцией. При этом Комитет обратился к Чхеидзе, Керенскому и Короленко с просьбой дать отзыв о Раковском. Телеграмма к Короленку — пришла почтой с большим запозданием. Свой ответ Комитету Румынского фронта Короленко опубликовал в „Русских Ведомостях". В нем Владимир Гал. описывал личные воспоминания о пребывании во время войны в Бухаресте и о деятельности Раковского вообще против участия Румынии в мировой бойне. Кроме того Владимир Гал. рассказывал по личным наблюдениям, как Раковский боролся в 1915-м году против участия Румынии в войне на стороне Германии.

В июле 1917 года редактор одной из Петроградских газет повел компанию против большевиков и в частности против Раковского, обвиняя их в том, что они интернационалисты, купленные немцами. Раковский путем печати предложил редактору третейский суд. Редактор не ответил. Тогда Владимир Гал. посвятил вторую статью Раковскому в „Русских Ведомостях", где писал, что некоторое время ждал ответа редактора о согласии на третейский суд и, говоря далее о политической, общественной и как человека честности Раковского, заявлял: чтобы доказать это, я сажусь с ним на скамью подсудимых!

В начале 1918 года большевики отступали от Одессы или Киева. Как раз в это время у Владимира Гал.

были Раковский с женой. Разговор между Раковским и Короленко перешел на жестокость командующего большевистскими войсками Муравьева *). Короленко упрекал в этом большевиков. И между собеседниками почувствовался некоторый „холодок". Когда Раковские уходили, Короленко поцеловался с женой Раковского Александрой Георгиевной, а с самим Раковским, вопреки обыкновению, на прощание не поцеловался, а только пожал руку. Раковские ушли. Через полчаса Владимир Гал. попросил сходить к общим знакомым, у которых остановились Раковские, кого-то из Селитренниковых (сейчас не могу вспомнить Михаила Ивановича или его дочь Александру Михайловну) сообщить Раковскому, что Гайдамаки уже находятся на окраинах города, и спросить Раковского — не надо-ли ему денег на дорогу...

С Александрой Георгиевной Раковской семья Короленок тоже давние знакомые. Брат жены Владимира Гал. — Евдокии Семеновны — доктор Ивановский, — старый русский эмигрант в Румынии, — был связан давней дружбой с семьей Александры Георгиевны. Семья Короленок несколько раз ездила к нему в Румынию, где и жила месяцами. Однажды Короленки жили в одной квартире с будущей женой Раковского и тогда хорошо познакомились. Раковская — доктор математики.

Когда в 1917-м году, еще до советской власти на Украине, Раковский приехал в первый раз в Полтаву и узнал, что Короленко в Хатках, он поехал проведать его за 75 верст.

Бывая в Полтаве, Раковский постоянно заезжал к Короленкам, подолгу выслушивал от Владимира Гал. рассказы о разных неправдах, обидах населению, записывал даваемые сведения и, насколько я знаю, всегда шел на встречу.

Однажды Раковский заехал к Короленко перед выездом из Полтавы попрощаться. Раковского сопро-

*) ПРИМЕЧ.: того, который потом изменнически предал большевиков.

вождал Председатель Губисполкома, оставшийся ждать на улице. Два часа диктовал Короленко разные жалобы. Секретарь Раковского записывал. Председателю Губисполкома надоело ждать. Он позвонил. К дверям подошел Владимир Гал.

Можно-ли и мне войти? — спросил Предгубисполком.

Войдите, — ответил, смеясь, Владимир Гал., — но только может быть это будет вам неприятно, так как я буду говорить о вас и против вас.

И Владимир Гал. продолжал как ни в чем не бывало, рассказывать при Предгубисполкоме о его деятельности.

И потому, что глава Правительства так внимательно выслушивал Владимира Гал., естественно Короленко мог оказать населению Полтавщины неоценимое заступничество, мог не только спасать предназначенных к расстрелу, но — как то было по „Переяславскому делу,“ — мог добиться частью освобождения арестованных взяткодателей, частью избавить от расстрела, а в отношении неправосудных следователей Губчека, — провокационно получивших по этому делу взятки, добиться полного устранения от дела и ареста их.

В своей телеграмме к только что осиротевшей семье Короленок Раковский говорит, что покойный Владимир Гал. помогал Советской власти, помогал большевикам. Отсюда ясно, какое большое значение придавал Раковский указаниям идеально честного, идеально чистого старого революционера и великого писателя — общественного деятеля, с Советской властью не борющегося. В указаниях Владимира Гал. Раковский видел только помощь, только добрый совет, как-бы иногда эти указания ни шли в разрез с политикой правительства. Раковский знал, что нельзя не верить каждому слову Владимира Гал. в изложении фактов, свидетелем которых он был.

Для того, чтобы Короленко мог без задержки

обращаться в центр по телеграфу, Раковский дал ему свою карточку — именной бланк с предписанием местным властям немедля передавать по назначению телеграммы Короленко.

Действие этой карточки, вернее обаяние подписи В. Г. Короленко на телеграмме о приостановлении смертного приговора, я лично испытал по делу о так называемом „Петлюровском заговоре“ Засенкова и других на Полтавщине. Владимир Гал. поручил мне спешно послать его телеграмму и дал на руки эту карточку. Когда я прибежал на телеграф, то по прямому проводу шли переговоры с приехавшим для того на центральный телеграф в Харькове Народным Комиссаром Продовольствия Владимировым. Разговор с согласия Наркомпрода Владимирова прервали на полчаса, чтобы немедля передать телеграмму Владимира Гал. и получить ответ из Харькова о вручении. А на другой день была уже получена телеграмма о приостановлении исполнения приговора.

Когда в Полтаву приезжал командующий всеми вооруженными силами Украины — Фрунзе, он навестил Владимира Гал. В первый свой проезд мимо Полтавы Луначарский прислал Владимиру Гал. письмо, где писал о сожалении, что не может заехать проведать...

Во второй приезд Луначарский навестил Владимира Гал.

Еще один штрих. В девяностых годах домашней учительницей дочерей Владимира Гал, была жена В. И. Ленина — Надежда Константиновна Крупская-Ленина...

Перехожу к другому сообщению одной из газет.

„Короленко не раз стремился вырваться заграницу, куда он раньше ездил лечиться, но это ему большевики не разрешили“.

Это не верно.

Лично мне Владимир Гал. в 1921 году говорил, что Раковский настойчиво предлагает ему в письме в полное распоряжение исправный вагон-салон со всеми удобствами для поездки заграницу, куда укажут доктора, с тем, что его будут сопровождать лучшие врачи Харькова. Я тогда не знал происхождения болезни Владимира Гал. и начал убеждать его согласиться. Не только он, но и Евдокия Семеновна были против. Владимир Гал. ответил:

„Эта поездка ни к чему"... — Промолчал и продолжал: — Вообще я не хочу ехать заграницу, а кроме того никогда и ничего я не брал ни от какого правительства"...

Евдокия Сем. коротко сказала: — не надо. Лучше оставаться дома".

А история болезни Владимира Гал. была такова.

Николай Фед. Анненский, страдающий сердцем, кажется еще в 1910 году ездил в Наугейм и, — помню, — вернувшись, очень расхваливал его чудодейственность. И Владимир Гал., заболев сердцем, перед мировой войной поехал в Наугейм, где ранее лечился его лучший друг, поехал проведать вместе с тем и дочь Наталию, вышедшую замуж заграницей за эмигранта К. И. Ляховича.

Война задержала Владимира Гал. Он вернулся в Россию только летом 1915 года и приехал в Хатки.

Помню, тогда я однажды сказал ему: — „Как вы здесь поправились! У вас чудесный вид: такие розовые щеки". Владимир Гал. заволновался. Оказалось, при его сердечной болезни именно румянец и был признаком усиления этой болезни. Но потом я не замечал у него такого румянца. Его сердце действительно поправилось, по крайней мере о нем как-то не было больше разговоров. У Владимира Гал. начался склероз — окостенение мозговых сосудов — центров, владеющих слухом, походкой, речью, глотательными движениями. Но голова оставалась неизменно „Короленковской" до самой его смерти. Слух заметнее всего

слабел. Еще в 1915 году Владимир Гал. стал так плохо слышать, что приходилось в разговоре с ним значительно повышать голос. Потом начали слабеть ноги. Явилась боязнь ходить. Однажды летом 1920 года Владимир Гал. пришел ко мне на Петровскую площадь попросить похлопотать вместо него, не помню о чем. Когда он собрался уходить, вдруг смущенно сказал: — „Проводите меня домой, мнѣ трудно итти". Владимир Гал. взял меня под руку, и мы пошли тихим, тихим шагом. Я не узнавал походки Владимира Гал. Он начал как-то переступать мелкими шагами и даже волочил ноги. Это было в первый раз, когда я заметил, что у него уже не та походка...

А в эти времена к Владимиру Гал. шли и бежали в Полтаве разные просители, поднимали плач в корридоре и квартире, умоляли заступиться, в отчаянии хватаясь за него, кричали о предстоящих расстрелах, при чем бежали при малейшей тревоге, в моменты всякой возникающей среди родственников арестованных паники... И все это делали, нисколько не считаясь с душевным состоянием Владимира Гал.

Помню, однажды я застал в корридоре у Короленок какую-то богато в шелку одетую с кольцами на руках, явно некультурную „госпожу" типичную спекулянтку, ужасно во весь голос кричавшую, метавшуюся с рыданиями и уверявшую, что ея мужа уже повели на расстрел. Это происходило после расстрела богача Аронова. Сцена была невыносимо мучительная... А на другой день в результате хождений оказалось, что ея мужа действительно повели... но для того, чтобы освободить! И такие душу раздирающие сцены чужого страха и горя непрерывно переживал Владимир Гал. И чужие слезы прожигали его светлую душу. И он неизменно хлопотал об отмене расстрелов, как делал это и при Деникинцах и при всех других властях и правительствах.

Осенью 1921 года начала все хуже и неразборчивее становиться речь Владимира Гал.

Горько замечал сам Владимир Гал.: „плохой я собеседник!“ и при этом безнадежно взмахивал вниз рукою. Потом как-то вечером поперхнулся корочкой сала и чуть не умер... Уже слабели глотательные движения...

Постоянно лечили Владимира Гал. два врача — 70-ти летний старик Будаговский и общепризнанный лучший врач в Полтаве — Харечко. Последний бывал ежедневно. Конечно, от гонорара врачи отказались. Кроме того, иногда для консультации приглашались врачи разных специальностей, среди них тоже выдающийся Полтавский врач А. А. Волкенштейн. По инициативе Раковского несколько раз приезжали из Харькова лучшие тамошние врачи. В особом вагоне. Владимиру Гал. врачи говорили, будто приехали „от себя“, „по своему желанию“ проведать его. Он был очень тронут... Харьковские врачи признали, что диагноз поставлен Полтавскими — вполне правильно и посоветовали то-же самое лечение...

Несколько раз за годы знакомства у меня с Владимиром Гал. бывали разговоры о душе, о возможности какой-бы то ни было загробной жизни, о бессмертии...

В середине июля 1903 года Владимир Гал. неожиданно приехал один ко мне в лес „Виноград“ — и мы прожили вдвоем несколько дней. Затем Владимир Гал. убедил ехать с ним в Полтаву.

Мы сидели в тесном (а благодаря моей толщине окончательно тесном) извощичьем сорочинском „фаэтоне“ — дребезжащей трясучке.

Был темный вечер. Дорога тянулась по открытому полю. Владимир Гал., — разговаривая, — почти всю дорогу внимательно смотрел на небо, точно изучал звезды, энергично ворочался во все стороны. Мы уже под'езжали к станции Гоголево.

Вдруг Владимир Гал. весело воскликнул:

— Нашел, нашел, а все-таки нашел!

— Кого и что? — спросил я удивленно.

— Комету!, — отвѣчал он, — вон видите?!

И Владимир Гал. указал на какое-то туманное пятнышко.

— Стоило-ли изъ-за этой пустяковины так мять чужие бока? — спросил я шутя.

И мы оба весело рассмеялись.

Но у нас начался разговор о звездном небе.

Владимир Гал. прекрасно знал расположение разных звезд, твердо помнил их имена. Точно астроном рассказывал о них, отыскивал на небе.

Я промолвил: — не может быть, чтобы человеку было дано знать так много о звездах и при этом человек никогда ни духом, ни телом не мог попасть хоть на одну звезду!...

— Пустяки, — отвечал Владимир Гал. — „Умер человек, и всему конец!"

— Ну, а насчет души, хотя-бы в пятках?

— И души никакой нет!... — Убежденно сказал он.

— Не верите?

— Не верю! — ответил по прежнему твердо Владимир Гал.

Мы приехали в Полтаву. Нас встретила одна Елизавета Осиповна. Ни Евдокии Сем., ни почему-то детей не было в городе.

Елизавета Осиповна подала громадную пачку полученных со всех концов России телеграмм с поздравлениями по случаю пятидесятилетия Владимира Гал. Тут только я понял почему Владимир Гал. приезжал ко мне: он бежал от чествований.

И, помню, тогда меня поразил один контраст. Во многих телеграммах упоминались „Огоньки" Короленка, это яркое выражение его неутомимой активной веры в лучшее будущее, его чуткой души, а он в самую то душу не верил...

Утром Владимир Гал. оделся „странником" и показался мне. У него все было приспособлено, чтобы незаметно идти среди „простого" народа. Владимир

Гал. решил отправиться на предстоящее скоро открытие в Новолжьи мощей, кажется, Серафима Саровского или кого-то другого, чтобы посмотреть людей и при том в момент наибольшего проявления их „духовной" стороны...

Когда потом, спустя год или два, должно было произойти солнечное затмение, я лежал больной рожей ноги у себя в лесу. Все, кто были около, ушли с заранее закопченными стеклами на гору. Короленки жили уже в своем доме. Затмение началось. Во дворе, заросшем деревьями, все приняло какой-то необыкновенно фееричный желтый вид. Все сразу-же получило другую окраску. Это неожиданно действовало... Смущало душу... И я почувствовал себя страшно одиноким. Вдруг в окне на фоне желтого тумана появился Владимир Гал.! Точно яркое солнце ворвалось в комнату, так стало вдруг на душе светло. — „Он один вспомнил" — подумал я. В руке у него было закопченное стекло, глаза блестели.

— Как интересно! — воскликнул он, — точно попал на другую планету.

— Да! А вы все не верите в загробную жизнь? — шутя спросил я.

— Не верю! — отвечал Владимир Гал.

В начале июня 1921 года я был командирован по службе юрисконсульта Полтавским Губисполкомом в Харьков, был у Предсовнаркома Раковскаго.

Как то раньше Раковский вручил Председателю Губисполкома книгу английского писателя Уэльса — „Россия во мгле", изданную в Софии, для передачи Владимиру Гал. Председатель Губисполкома в свою очередь просил меня передать книгу Владимиру Гал. Передал. И эту книгу затем прочли все знакомые Короленок.

На этот раз Раковский вручил лично мне свежие номера газеты „Руль" и две книжки парижского журнала „Современные Записки", с тем, чтобы дать

прочесть Владимиру Гал. и вернуть, т. к. у него других нет.

Возвратясь в Полтаву, я под вечер 9-го июня 1921 года понес Короленкам газеты и книжки журнала. Уже в дороге, просматривая книги, я заметил в одной из них об'явление об издании в Париже сборника разных литературных произведений, среди которых рекламировалась „Девица Настя" В. Г. Короленка. Я знал, что за последний год Владимир Гал. рассказа под таким заглавием не писал, да и самый характер заглавия так не вязался с ним. Когда пришел к Короленкам с книжками журнала вся семья, кроме Владимира Гал., сидела на открытой веранде. Спросил Евдокию Сем.: — был ли у Владимира Гал. рассказ „Девица Настя"?

— Нет, не было,—ответила.

— А вот поглядите в Парижском журнале!

Показал. Евдокия Сем. посмотрела и коротко сказала то, что было у всех на уме об этой „рекламе".

— Вот жулики!

Я спросил: — говорить ли об этом Владимиру Гал.? Еще взволнуется?...

Владимир Гал. уже был сильно болен.

Молчавшая Наталия Владимировна заметила: — „Конечно сказать, его касается".

Евдокия Семеновна ответила: — Володя сейчас мыл голову. Пусть отдохнет. Я потом вас к нему в кабинет поведу."

Через некоторое время Евдокия Сем. позвала: „Пойдем к Владимиру Гал."

Мы пошли, а он уже навстречу. Показывает на самовар. — „Чай пить!"

Спросил о „Девице Насте".

— Что значит?

Владимир Гал. подумал.

— А, это верно они главу из „Записок моего Современника" как-нибудь перепечатали...

И Владимир Гал. засмеялся.

Я передал Владимиру Гал. книжки „Современных Записок“. Он развернул одну, посмотрел оглавление, и тут-же за столом начал читать. Владимир Гал. был всегда гостеприимным хозяином, на редкость внимательным, заботливым ко всякому гостю. Правда, говорить ему уже было чрезвычайно трудно... А тут он забыл о присутствующих и углубился в чтение. Я посмотрел. То были „Откровения смерти“ по последним произведениям Л. Н. Толстого. (Заглавие цитирую по памяти). Я понял, что, предчувствуя близкую кончину, Владимир Гал. естественно начал особо интересоваться и вопросами смерти... Когда затем я пришел и спросил — интересны ли в этой статье сведения о смерти, Владимир Гал. ответил кратко: „чепуха!“ и посоветывал прочесть внутреннее обозрение „На родине“ о бегстве-эвакуации белых из Севастополя, где описывалась ужасающая паника.

Не только зятя Владимира Гал. К. И. Ляховича хоронили без какого либо участия духовенства, гражданскими похоронами, нет, так хоронили и самого Владимира Гал. Ибо семья знала его отношение к религии.

Речь Владимира Гал. становилась все хуже и хуже. Точно полный рот каши. Иногда ничего нельзя было понять. Его это страшно тяготило. И вот тут любовь и заботы семьи были трогательны. Очень хорошо угадывали, что хочет сказать Владимир Гал., Евдокия Семеновна и Наталия Владимировна.

Перехожу еще к одному газетному сообщению: „Короленко жил все время под присмотром Чека“.

Это тоже неверно.

Короленко постоянно письменно и лично обра-

щался в Чека, постоянно просил Чека за арестованных, приносил за них личное свое поручительство. И его просьбы исполняли. Будучи правозаступником по политическим делам в Губревтрибунале, я очень часто находил в следственных производствах Чека письменные ручательства В. Г. Короленко. И могу удостоверить, что с Владимиром Гал. считались.

Когда в начале июня 1920 года в Полтаве предстоял повальный обыск во всех квартирах для отобрания „излишков“ одежды, Председатель Губчека, собрав абсолютно всех, идущих на обыски, произнес им речь, что никто не смеет и подумать проникнуть в квартиру Вл. Гал. Короленко, что все обязаны обходить дом № 1 по Малой Садовой, если-же кто-нибудь посмеет войти, то он будет, не смотря на положение, посажен в „подвал“. Об этом знал весь город, а мне говорил заведующий отделом Управления, слышавший речь. При этом Председатель Губчека остановился на литературных и общественных заслугах Владимира Гал. И Короленок не беспокоили. И ни разу в доме Короленок обыска не было...

Владимиру Гал. была выдана Губисполкомом особая охранная грамота, которая запрещала что-либо реквизировать у него в квартире, запрещала занимать свободные комнаты. Однажды в 1921-м году в квартиру Короленок явилась какая-то девица, заявила, что она от Жилотдела, обошла все комнаты, нашла, что в квартире свободна столовая и „взяла эту комнату на учет“.

Девице пред'явили охранную грамоту. Но девица не угомонилась и сказала, что грамота устарела, т. к. выдана в прошлом году и прежним Предгубисполкомом.

Я пришел к Короленкам. Владимир Гал. был обеспокоен появлением девицы и просил достать свежую охранную грамоту, взамен прежней. Прийдя на службу, я составил в более сильных выражениях проект новой и пошел к упоминавшемуся уже председателю Губисполкома.

Предгубисполком, узнав о появлении девицы, вышел из себя. — Что за дура! — кричал он, — ее за это надо немедля арестовать! Никто не смеет входить в квартиру Короленка! Как ее фамилия?!

— Не знаю, — ответил я, — да и Короленки наверно не знают...

— Надо немедля узнать! Я сейчас позвоню в Жилотдел и ее обязательно посажу!

И мне пришлось убедить Председателя Губисполкома не делать этого, при чем главнымъ аргументом было: вы только затрудните Короленка, т. к. Владимиру Гал. придется хлопотать и за эту девицу!

Тогда Предгубисполком пробежал принесенный мною проект грамоты.

— Нет, напишите еще крепче: надо внести, что в квартиру не смеет войти и никто изъ военных, а иначе и их посадим...

В это время в Полтаве самоуправничали с квартирами приезжие военные другого округа. Я ранее указывал на это председателю, говорил о необходимости защиты населения...

— И я ответил его же словами: — Да ведь вы на них не имеете власти!

— Ничего, пишите! Надо попугать.

И новая грамота была выдана.

Во все время большевистской власти Владимир Гал. состоял почетным председателем политического Красного Креста, председательницей которого состояла Прасковья Семеновна Ивановская — родная сестра Евдокии Сем. Ее за глаза Владимир Гал. называл ласково — „Пашенька", а в глаза по имени-отчеству. П. С. Ивановская удивительный человек.

Ей было столько же лет, сколько и Владимиру Гал. Она участвовала в 1881 году в Петербургском подкопе на Малой Садовой из сырной лавки Кобозева для убийства Александра II и затем вместе с Софьей Перовской в деле первого Марта; была хозяйкой конспиративной квартиры — типографии,

где печатались прокламации исполнительного комитета Народной воли об этом цареубийстве. Спустя несколько лет П. С. Ивановская была приговорена к смертной казни, которую заменили бессрочной каторгой и от которой спустя двадцать лет она бежала в Петербург. Здесь Прасковья Семеновна сделалась „прислугой“ в конспиративной квартире „прежнего Савинкова“ и Сазонова, когда готовилось убийство Плеве. Прасковья Сем. — человек с таким большим прошлым — вместе с тем человек необычайной доброты. Она постоянно полна тревоги за арестованных, возится с их делами, с их судьбой. И кроме Владимира Гал. она больше всех сделала для облегчения их участи в Полтаве. К ней часто обращался Владимир Гал. с просьбами о содействии, справках, а она обращалась ко мне за подмогой или справками. По ея просьбам я ходил в Губчека. Благодаря смене местных Предгубисполкомов, Завгуботуправов, Предгубчека несколько раз возникал вопрос о закрытии Красного Креста. Но во главе его стоял на посту почетный Председатель Владимир Галактионович Короленко и по распоряжению Предсовнаркома Раковского Крест не трогали...

Один из крестьян, вернувшийся из плена, дал мне в феврале 1920 года при выезде из Хаток кольцо превосходной самодельной колбасы, прося передать Владимиру Гал. в знак того, что не забывает его забот о семье и о нем самом во время плена, за что навсегда благодарен.

Я передал Владимиру Гал. колбасу, об‘яснив какая. Владимир Гал. повернулся к Евдокии Сем. и сказал: — „надо отдать эту колбасу Пашеньке. Она наверно о нем заботилась.“

Нельзя не упомянуть о проявлении большого личного доверия к Владимиру Гал. Советской Власти. Когда летом 1919 года на Полтаву наступали дени-

кинцы, и была решена эвакуация Советской Власти, а в губернии оставались вывезенные из столиц для прокормления дети петербургских и московских рабочих, надо было кому-то оставить не менее двух миллионов [тогдашних] рублей на содержание детей при деникинцах. Кому оставить? Их решили передать Владимиру Гал., как почетному председателю Лиги защиты детей. Едва Советская Власть ушла, к Владимиру Гал. явились два бандита и потребовали миллионы. Разговор происходил сначала в коридоре, а затем в передней. Оба пришедшие были повидимому интеллигенты. Один из них не решился поднять руки на Владимира Гал., но другой угрожающе навел на Владимира Галактионовича револьвер. Владимир Галактионович нисколько не растерялся, схватил бандита за руку с револьвером, отвел ее в сторону, и между ними началась борьба. Бандит выстрелил. Пуля и по сейчас торчит в косяке окна комнаты Софьи Владимировны. Другой молодец стоял неподвижно. Софья Владимировна, схватив чемоданчик с деньгами, выпрыгнула в окно и унесла деньги, которые и были таким образом спасены. Услышав стук окна, спокойно стоявший бандит крикнул: „пора!" Бандит нападавший рванулся. Владимир Гал. не сдавался. Он так крепко и напряженно держал бандита, что потом распухла рука. Бандит снова рванулся. И они оба побежали. Владимир Гал. разгорячился и хотел бежать за бандитами. Но тут у него на руке повисла Елизавета Осиповна, умоляя остаться. Рассказывая мне об этом и демонстрируя на месте нападение, Владимир Гал., через год после происшествия, шутя сердился, что его остановили, т. к. иначе он задержал бы бандитов...

Наконец, еще несколько слов об отношении Центра к В. Г. Короленко. Как известно, Владимир Гал. единогласно был избран почетным председателем Ко-

митета помощи голодающим Украины. Это избрание совпало с его днем рождения, а также и именин — 15 июля 1921 года.

В 1921 году именины были отпразднованы особенно торжественно: разные профессиональные Союзы прислали делегации с адресами и доставили Владимиру Гал. целые склады продуктов. В качестве почетного председателя Комитета помощи голодающим Украины он все эти подарки пожертвовал на голодающих...

В заграничных газетах сообщалось, будто зять В. Г. Короленко К. И. Ляхович расстрелян большевиками, а квартиру Короленок, в связи с арестом Ляховича, обыскивали и что расстрел Ляховича сгубил Владимира Гал., так как после расстрела он заболел... И эти сведения не верны.

Помню, уже давно, когда я еще не видал Ляховича, Владимир Гал. любовно отзывался о нем: — „это орленок!"

Ляхович — талантливый, умный человек, превосходный оратор, был болен сильным пороком сердца. Когда его слово поднималось на высоту силы и красоты искреннего, глубокого убеждения, голос неожиданно обрывался, и Ляхович начинал, — там где не надо, — говорить чуть не шепотом. Сердце и волнение не давали ему взлететь на большую красоту человеческого красноречия, для которого у него имелись все данные. При громадной эрудиции, начитанности социалиста он, будучи интернационалистом, являлся вождем и учителем меньшевиков в Полтаве. Видные полтавские большевики из рабочих говорили мне, что они были вначале до „эволюции влево" его учениками, так как он натолкнул их на идеи социализма и классовой борьбы. Еще задолго до женитьбы на дочери Владимира Гал. — Наталии, после революции 1905 года, Ляхович бежал от жандармов. Его побег из больницы между прочим устраивала и „бабушка" Елизавета Осиповна. Ее, — самую старую в семье,

молодежь посвятила тогда в это конспиративное, нелегальное предприятие. И когда она рассказывала мне об этом побеге спустя много лет, у нее светились и горели глаза, как у молодой заговорщицы, вспоминающей большую революционную удачу... Бежав, Ляхович сначала скрывался около Хаток, а затем выехал заграницу и превратился в эмигранта. На дочери Короленко он женился заграницей. Там у них родилась Сонечка. С февральской революцией 1917 года Ляхович вернулся. Но при гетмане его, как меньшевика-интернационалиста, в сущности за его социализм, арестовали и выслали заграницу. При советской власти Ляхович снова вернулся и был от меньшевиков членом Полтавского Совета рабочих Депутатов. Когда пришли деникинцы, он уехал с своей семьей в Крым для лечения Наталии Владимировны. Здесь он застрял и по его рассказам пережил ужасы бессудных расстрелов врангелевцами большевиков, рабочих, ремесленников и вообще заподозриваемых в социализме. Для того, чтобы вернуться поскорее в Полтаву, он заранее под‘ехал к Перекопу, решив оставаться в нем при наступлении и захвате его большевиками. И благодаря этому действительно после отступления врангелевцев с одним из первых поездов вернулся в Полтаву. Ляхович сразу же и по прежнему сделался личным секретарем Владимира Гал., знал, где что у него лежит, помогал ему находить материалы и был очень нужный Владимиру Гал. человек. Вместо него Ляхович принимал посетителей, ходил по властям просить за арестованных. Несколько раз Ляхович согласно поручению Владимира Гал. говорил по прямому проводу с Раковским, сообщая ему о предстоящих расстрелах, например, по вышеописанному Переяславскому делу. И не смотря на то, что они были во враждующих партиях, Раковский его выслушивал, просьбы исполнял.

Ляховича снова избрали членом Полтавского Совета Рабочих депутатов от кооперации. В Совете

оказалось всего пять меньшевиков при восьмистах членах, из которых около двухсот было внепартийных.

Хорошо помню первое выступление Ляховича в Совете. Он прочел длинную и подробную декларацию — программу меньшевиков. Среди пред'являемых в декларации требований были такие, — как немедленное возвращение бывшим хозяевам фабрик и заводов с соблюдением известных условий, как немедленное прекращение каких бы то ни было расстрелов и т. д. Попытки председателя остановить Ляховича ни к чему не приводили. Он продолжал говорить до полного срыва голоса. Председатель Губисполкома отвечал ему. В это время в некоторых уездах Полтавской губернии разросся бандитизм, и остроты председателя о непротивлении бандитизму, а также о возвращении фабрик вызывали смех! Даже протест против смертных казней, окруженный в декларации массой иногда самых незначительных хозяйственных требований как-то сводился таким изложением декларации на нет. Этим умело воспользовался Председатель Губисполкома. Его речь подавляющее большинство покрыло аплодисментами. Казалось, эпизод исчерпан. Однако на другой день я узнал от Заведующего Отделом Управления, что он и Председатель Губчека настаивали на немедленном аресте Ляховича. Но для ареста Члена Совета Рабочих Депутатов необходимо согласие президиума Губисполкома, следовательно, требуется согласие Председателя Губисполкома. А он ни за что не желает трогать Ляховича, так как достаточно ответил ему и на словах. Из вопроса об аресте Ляховича секрета не делалось. Председатель Губисполкома рассказал мне, что предложение Завгуботуправа разрешено отрицательно...

Я сообщил о предполагавшемся аресте К. И. Ляховичу, Наталии Вл. и Софии Вл. и убеждал Ляховича, ради уже тяжелой болезни Владимира Гал. воздержаться от таких выступлений, т. к. он живет в одной квартире с Владимиром Гал. и не может не думать

и о нем, а при будущих выступлениях арест более чем возможен.

Ляхович отвечал: „посмотрю“.

Как раз при мне спустя два дня после этой речи, Ляхович пришел к Заведующему Отделом Управления просить за кого-то арестованного. Тот был с ним любезен, обещал все узнать...

Второе выступление Ляховича состоялось в заседании Совета Рабочих депутатов после докладов делегатов, вернувшихся со Всеукраинского С'езда Советов о резолюциях, вынесенных С'ездом, как верховным руководящим органом страны. Совет постановил принять к сведению и руководству резолюции и не обсуждать их. Ляхович потребовал слова для обсуждения, возбужденно настаивал, что запрещение обсуждать постановления С'езда „является насилием над меньшинством“, при этом не соглашался, — не смотря на повторное постановление Совета не обсуждать резолюций, — исполнить требование председателя сойти с эстрады...

Прошло несколько дней. После обеда прихожу к Владимиру Гал. отдать его рукопись.

Все сидят в столовой и обедают. На лицах уныние. Молчат...

— Что-нибудь случилось? — спрашиваю, — у вас у всех такой вид.

Ответил Ляхович: „Пришло из центра общее распоряжение арестовать всех меньшевиков, социалистов-революционеров и даже анархистов. Арестованы многие знакомые. Значит, и меня арестуют. Уже вызывали в Губчека. Я не пошел. Сейчас придут за мною.“

Я с ужасом подумал о том, что будет с Владимиром Гал.! Помнил Декрет Всеукраинского ЦИК-а с приказом всем властям беречь спокойствие В. Г. Короленки. Для меня было ясно, что арест Ляховича — кратковременный, и Всеукраинский Центр. Исполнит. Комитет, опубликовавший ранее свое постано-

вление, немедленно, ради Владимира Гал., либо отменит этот арест, либо заменит его домашним. Ляховичу нечего бежать. Надо лишь дать знать в Центр. Значит, вся задача только в том, чтобы выиграть время. Владимир Гал. будет избавлен от губительных треволнений, если Ляхович перебудет у меня.

И я предложил Ляховичу сейчас-же скрыться у меня, так как я с женой и дочерью живем в одной небольшой комнате, и никому не придет в голову искать его у нас. А там видно будет.

— „Идем ко мне!“

— Нет, *я* не могу, отвечал Ляхович. — *Я* не должен скрываться.

Я понял его: став на путь открытых выступлений, протестов, борьбы — он — вождь меньшевиков не может скрываться, когда арестуют товарищей.

Владимир Гал. молчал, смотрел в одну точку...

Я глянул на него и не выдержал.

— А все-таки идем ко мне!

— Нет! Это невозможно, — непоколебимо отвечал Ляхович.

Я попрощался со всеми, собираясь уходить.

Ляхович поднялся.

— Ну, Владимир Вильямович, прощайте, ведь больше никогда не увидимся! — произнес он дрогнувшим голосом.

И хотя мы не были даже близко знакомы, т. к. и познакомились недавно и мало при встречах разговаривали, Ляхович крепко пожал мою руку, точно действительно навсегда прощался.

— Чего так?! — спросил я. — Ведь пустяки!

— У меня сильный порок сердца. В тюрьме — сыпной тиф.*) Заболею — не выдержу.

---

*) Примечание: В это время во всем городе были случаи сыпного тифа. Но о тифе, носящем в тюрьме специально эпидемический характер, я не слышал. Как острой эпидемии его безусловно там не было. Лично я посетил и осмотрел Полтавскую „следственную“ тюрьму по поручению Административной секции Совета Рабочих Депутатов. Для больных при тюрьме имелась больница в особом здании, где сыпнотифозные изолировались, а камеры заболевших какими бы то ни было заразными болезнями неотложно дезинфицировались, что зависело от

Я вышел на улицу через парадную дверь, с захлопывающимся французским замком.

Меня остановил молодой человек у под'езда.

— Вы кто такой? — вежливо спросил он.

— Юрисконсульт Губисполкома — Владимир Беренштам, — отвечал я и показал мою книжку — удостоверение о службе с фотографией.

— Вы от кого? — снова спросил он.

— От Владимира Гал. Короленко. А Вы от Чека?

— Да.

— Пришли за Ляховичем?

— Да.

— Слушайте, товарищ! Не арестуйте Ляховича, оставьте под домашним арестом. Он и не подумает бежать, надо помнить о Владимире Гал. Есть Декрет...

— Это от меня не зависит. Там внутри квартиры есть старший. От него зависит...

— Как же он прошел, что я его не видел?

— Он сейчас пошел туда через сад черным ходом...

Я направился обратно с черного хода. Никого больше не встретил. В столовой вся семья Короленок сидела за столом и продолжала спокойно обедать.

В стороне, у косяка дверей корректно стоял, как я потом узнал, председатель Малой Коллегии Губчека, Заведующий Следственным отделом.

врача. Я зашел в камеру, где раньше находился в заключении и затем заболел К. И. Ляхович. Для политических была отведена самая чистая и лучшая камера во втором этаже тюрьмы с деревянным полом, но без кроватей и матрацов. Впрочем, некоторые заключенные имели собственные. Бандиты сидели в первом этаже с каменным полом и с железными кроватями без досок с изломанными перекладинами и тоже без матрацов. Отсутствие матрацов являлось результатом общей разрухи, и Чрезвычайная Комиссия настойчиво просила у Горсовета и Губисполкома средств на ремонт и улучшение обстановки заключенных тюрьмы. Их хотели дать, но их не было. Политические ходили по всей тюрьме.

Таким образом бывшие в Полтаве разговоры, — будто местные большевики послали К. И. Ляховича в Тюрьму, чтоб он заразился сыпняком — разговоры, нашедшие себе параллельный с известиями о расстреле отклик в заграничной печати, по моему глубокому убеждению, основанному при том на личном осмотре тюрьмы, не имеют под собой почвы. Нельзя упускать из виду, что местные власти арестовали К. И. Ляховича вне какой-бы то ни было связи и с его вторым выступлением в Совете Рабочих Депутатов исключительно по общему распоряжению из центра.

Я пред'явил ему мои документы и обратился с вопросом.

— Вы пришли арестовать товарища Ляховича?

— Да.

— Не арестуйте его, оставьте под домашним арестом под мое личное поручительство, пока дело выяснится. Я головой ручаюсь, что он не бежит!

— Нет, это невозможно, это не зависит от меня — отвечал твердо, но очень вежливо представитель Губчека.

Короленки продолжали обедать.

Я ушел.

На другой день я отправился к Председателю Губисполкома с просьбой освободить Ляховича под мое поручительство с оставлением под домашним арестом. Ссылался на Декрет ВУЦИК'а. Об'яснил, что был у Короленок перед арестом Ляховича, и он заранее зная, что его арестуют, категорически отказался скрыться. Значит, не скроется и теперь, в чем я ручаюсь головой.

Председатель Губисполкома отвечал.

— Тогда надо всех освободить. Ведь он глава здешних меньшевиков. Мы не тронули дочь Короленка. Распоряжение об аресте меньшевиков исходит не от нас, а из центра, т. к. в обеих советских республиках меньшевики повели активную борьбу с советской властью и освободить Ляховича мы не имеем права...

Я пришел к Короленкам. В доме застал ту особенную тоску, которая так обычна, когда кого либо из семьи только что арестовали...

Говорю Владимиру Гал.:

— Напишите Раковскому. Он устроит немедленно освобождение Константина Ивановича.

Владимир Гал. отвечает твердо и спокойно:

— Нет, я не напишу.

— Тогда давайте я напишу.

— Нет, не надо.

И я понял, что его решение непреклонно.

Не знаю, от кого узнал Х. Г. Раковский об этом аресте, но он прислал требование освободить Ляховича. Кажется, ему сообщили врачи, приезжавшие в Полтаву из Харькова как раз в это время, о том, что арест угнетает Владимира Гал.

Из разговоров в губисполкоме знаю, что Раковский телеграфировал Председателю губчека, настаивая освободить Ляховича, но тот не сразу исполнил.

Освободили Ляховича уже заболевшего сыпным тифом. В связи хотя бы только с тем, что болезнь эта отражается на Владимире Гал., не говоря о личной популярности Ляховича, в болезни его принял участие буквально весь город. Самые редкие лекарства — немедленно доставались. Никто из аптекарей не жалел „припрятанного в другой комнате". Потребовался кислород. — И буквально все до последнего мешка всех аптек города были доставлены Ляховичу. Лучшие врачи не отходили от постели больного...

Владимира Гал. к Ляховичу не пускали, боялись волновать. А чтоб ему не так горько было, в семье об'явили правило: „старше 50 лет никого к Константиру Ивановичу не допускать. „Не допускали" и Евдокию Сем.

Но сердце Ляховича действительно не выдержало. Его предчувствие сбылось. Он умер.

Типографские наборщики расклеили по городу об'явление о похоронах члена Совета Рабочих Депутатов — старого революционера социал-демократа К. И. Ляховича, приглашающее рабочих на похороны, с указанием, что вынос произойдет из квартиры Короленка.

Константин Иванович лежал в красном гробу, на возвышении, задрапированном красной материей, покрытый красным покрывалом — флагом. Кругом стояли и лежали цветы. Константин Иванович был в черном сюртуке и точно спал...

Владимира Галактионовича долго не допускали к нему. Пустили только перед самым выносом.

Перед тем Владимир Галактионович направился к Ляховичу, я вошел к нему в кабинет. Здесь были доктора Харечко и А. А. Волкенштейн, М. И. Селитренников и я. Все сидели вокруг стола. Молчали. Владимир Галактионович читал какую-то книжку, кажется старый журнал. Так было долго... Бесконечно мучительно. Наконец Евдокия Семеновна пришла и повела Владимира Галактионовича „к Косте". Идя обратно к себе в кабинет, Владимир Галактионович судорожно зарыдал... Потом начал говорить, что он сам вынесет гроб Констатина Ивановича, но доктора сказали, что это невозможно, что пустят только на извощике.

Был праздничный день начала мая 1921 года. На прилегающих улицах собрались многие и многие тысячи народу. Присутствовали профессиональные союзы с красными знаменами. От членов профессионального Союза работников искусства шел оркестр музыки. Таких грандиозных похорон отдельного лица я никогда не видал.

Похороны происходили, как я упоминал, гражданские. Семья Короленок ехала на извощиках, среди необ'ятной толпы. Около тюрьмы шествие сделало остановку. Оттуда из окна заключенные махали маленьким красным флажком... Оркестр заиграл Интернационал. Шествие двинулось дальше...

Так жители Полтавы выражали свой прощальный привет К. И. Ляховичу и сочувствие семье Короленок...

После смерти Константина Ивановича дом Короленок погрузился в какую-то безнадежную тоску...

Дочь Владимира Галактионовича — Наталия тяжело переносила смерть К. И. Ляховича. Но велики были сила ея любви к отцу, желание уберечь его, сохранить ему покой. Бледная, как бумага, иссиня бледная, она сдерживалась ради отца — „держалась спокойно", иногда подсказывала то, что хочет сказать Владимир Галактионович, так чутко угадывая каждое его слово и даже принимала „участие" в разговорах. Но ходила, как тень. И глядя на нее, я не раз думал

что она живет только ради отца... А Владимир Галактионович все чаще бывал сосредоточен, делался более замкнутым, но оставался по прежнему ласково внимательным, хлебосольным... И все молчал... Раз я его застал за чтением арабских сказок — „Тысяча и одна ночь", в другой раз он говорил мне, что по прежнему Диккенс остается его любимым писателем. Владимир Галактионович старался отвечать на вопросы и, когда говорил, его иногда уже было совершенно невозможно понять. А он все-таки стремился, чтобы его поняли, и горько замолкал... Он по прежнему любил литературные разговоры. таким образом я узнал от Владимира Галактионовича, что свой дивный рассказ „Без языка" он написал по сюжету, данному известным эмигрантом Егором Егоровичем Лазаревым...

И ни разу ни единой жалобы, попрека по адресу кого-нибудь из большевиков я не слышал от Владимира Галактионовича, в связи со смертию Константина Ивановича. Владимир Галактионович по прежнему и неизменно хлопотал за других...

Его последнее письмо ко мне с просьбой о Заливадовой*) написано за неделю до моего выезда из Полтавы...

В одной заграничной русской газете было напечатано даже, что советская власть запретила Короленко п и с а т ь. Автор сообщал о последних годах Владимира Галактионовича — „Но это уже не была душа писателя — красный кесарь запретил Короленко писать и силой сломал его перо".

Когда-то русский царь Николай первый буквально запретил великому украинскому поэту Тарасу Шевченко писать и рисовать что-бы то ни было. Для проведения в жизнь этой бесчеловечной жестокости Николай первый сослал Шевченка солдатом в степи Азии, отдал его под специальный надзор. Но и тогда, как

*) Примеч. Об этом письме подробности см. ниже.

ви бдителен был надзор за Шевченко, он завел себе в халяве (голенище сапога) маленькую книжечку, куда все-же писал свои думы...

Короленке никто никогда не запрещал писать. Он был великий русский писатель и умер, как писатель, с душой писателя! У него всегда были и перья и бумага. И пера его — никто не ломал. .

В одно из первых моих посещений Владимира Галактионовича при советской власти, в феврале 1920 года, Владимир Галактионович без всякого повода вынес мне из кабинета довольно большую пачку прекрасной писчей бумаги и выразил желание подарить — „чтобы было на чем писать". Я ответил, что у меня бумага имеется, и отказался. Владимир Галактионович настаивал, чтобы я принял подарок, утверждал, что у него бумаги очень много. И я взял.

Все время почти вплотную до смерти Владимир Галактионович писал свои удивительные „Записки моего современника"...

Но это, — конечно, „фигуральное" выражение газеты.

— Да. „Русское Богатство" — журнал Короленка, Анненского, Михайловского был закрыт Советской Властью Петрограда в начале революции. Но это была общая мера, журнал был закрыт, как и все частные органы печати, это произошло в Петрограде, а не на Украине... Теперь Советская власть отказалась от этой меры. В Советских республиках возрождаются толстые журналы.

Конечно, Владимир Галактионович привык высказывать свои взгляды о важнейших моментах общественной жизни, и это стало для него насущнейшей потребностью, как у всякого крупного писателя. А потребность эта не находила удовлетворения. Но для Владимира Галактионовича это закрытие собственного журнала, — как оно ни было тяжело и грустно, — именно в качестве писателя могло иметь совершенно неожиданное значение... Владимир Галактио-

нович ничего не делал фиктивно. Будучи об'явлен редактором „Русского Богатства", он и нес обязанности редактора: на Владимире Галактионовиче лежали чтение скучнейших, иногда бесталанных, усыпляющих рукописей и связанная с этим правка чужих сочинений. И я хорошо помню жалобы Владимира Галактионовича на то, что такое чтение убивает его личную творческую работу... С закрытием „Русского Богатства" Владимир Галактионович мог всецело отдаться писанию „Записок моего Современника". Он работал над ними ежедневно, иногда по пяти часов. И это его дивное художественное произведение является лучшим из того, что вообще написано Короленко. Удивительно свежая, яркая, молодая, да, молодая работа! По обилию типов это произведение идет рядом с „Войной и Миром" Л. Н. Толстого. Перед читателем проходит в живых лицах история войны за русскую революцию, проходят типы выдающихся ея борцов и тут-же рядом развертывается жизнь глухих углов России с их темным крестьянством... Невозможно поверить, что „Записки моего Современника" написаны уже умирающим, тяжело больным 67—68 летним стариком! Сколько в них разбросано юмора, вызывающего при чтении громкий смех!.. Я читал эту вещь в рукописях, тщательно переписанных на пишущей машинке. У Владимира Галактионовича ни одно из правительств не отобрало ее, и он с удовольствием говорил, что умеет писать на машинке. Но рукописи (каждую с копиями) переписывала начисто Софья Владимировна.

Свои новые книги Владимир Галактионович запродал Московскому кооперативному издательству „Задруги".

Писал Владимир Галактионович по старой орфографии и корректуры ему из Москвы высылались набранные с твердыми знаками и с „ѣ". Владимир Галактионович находил, что новая орфография менее выразительно передает мысль: читатель должен соо-

бражать, где „все“ и „всѣ“, указывал еще что-то, но вообще, конечно, ничего не имел против введения новой орфографии и облегчения учащимся прохождения грамматики.

По рукописи Владимир Галактионович шел в ссылку в начале восьмидесятых годов, направляемый в Амгу Якутской области. И я не раз при встрече спрашивал его без всяких пояснений вопроса:

— „Куда доехали, Владимир Галактионович?“ Или: — „Где Вы теперь?“

И Владимир Галактионович всегда охотно отвечал. Помню, последние его ответы в конце июня 1921 года были:

— „Сейчас все еще в Амге“.

Однажды я спросил Владимира Галактионовича, как он может все это помнить, откуда берет такие подробные сведения, неужели он все тогда записывал? Если да, то почему раньше не опубликовал?

Владимир Галактионович указал пальцем на свой лоб и промолвил:

— „Почти все отсюда.“

В точности его памяти всегда легко было убедиться. Прочитав у него в рукописи название романа Д. Л. Мордовцева „Знамения времени“, я сказал, что роман назывался „Знамение“, а не „Знамения“ времени. Ко мне присоединилась Евдокия Семеновна, еще кто-то, кажется, Михаил Иванович Селитренников. Владимир Галактионович стоял на своем. Он ушел слабой неуверенной походкой в кабинет, долго рылся по каким-то книгам и, наконец, принес давний каталог книжного магазина. Оказалось, он прав...

Когда в начале 1920-го года Владимира Галактионовича посетил на дому А. В. Луначарский, между ними шел спор о возможности немедля осуществить в России коммунизм.

Луначарский предложил Владимиру Галактионовичу писать ему об этом освещающие общие вопросы

„письма“, с тем, что напечатает их со своими возражениями.

Но в первом же письме Владимир Галактионович отступил от спора о коммунизме, и от общих вопросов, — т. е. от темы, относительно которой Луначарский дал обещание вести печатную полемику, — и написал страшной силы письмо о расстрелах без суда в административном порядке. *) Владимир Галактионович, — помнится, — сам об'яснял в своем первом письме, что между ним и Луначарским встал эпизод с расстрелом Аронова и других **) и пока он не выскажется об этом расстреле, а в связи с ним вообще о расстрелах, — ни о чем другом не может писать. В этом отношении к расстрелам и вообще в письмах к Луначарскому Владимир Гал. высказывался весь за этот последний период жизни. К расстрелам несовершеннолетних Владимир Гал. вернулся затем и в другом письме, ***) снова отступив от условленной темы. Черезчур его волновали эти мысли. И он не мог молчать!.. Ему было не до намеченных вопросов. Во всех остальных письмах Владимир Гал. подвергал критике возможность осуществления *теперь-же* коммунизма в России. В это он совершенно не верил. Впрочем, в этом разочаровались к концу 1921 года и сами коммунисты-вожди и первый из них В. И. Ленин...

Письма Владимира Галактионовича к Луначарскому носят публицистический характер и полны ярких примеров. Всех их шесть. Они захватывают при чте-

---

*) ПРИМЕЧАНИЕ: Эти расстрелы теперь отменены советской властью.

**) ПРИМЕЧАНИЕ: Владимир Галлактионович обратился к Луначарскому сь просьбой о сохранении жизни Аронова и других четырех человек, которые в момент обращения оказались уже расстрелянными два дня назад. Об этом Луначарский и уведомил Владимира Галактионовича в тот же день письмом. Подробности эпизода приводятся ниже в связи с письмами Владимира Галактионовича.

***) ПРИМЕЧАНИЕ: Советская власть потом запретила расстрелы каких-бы то ни было несовершеннолетних до 18 лет не только чрезвычайными коммисиями, но и по суду. В данном случае шла речь о расстреле 17 летней Пищалки. К великой радости Владимира Галактионовича она была освобождена и явилась к нему. Я принимал некоторое участие в ее судьбе.

нии. Но в „Письмах к Луначарскому“ нет ни злобы, ни ненависти. Они написаны пером убеждения, а не борьбы.

„Письма к Луначарскому“ были переписаны по городу во многих экземплярах, их читала вся интеллигентная Полтава. Власти об этом знали, но не преследовали...

Пока „Письма к Луначарскому“ последним не напечатаны.

В этих письмах, полных критики возможности немедленного проведения в жизнь коммунизма среди неподготовленных к нему народных масс, критики мер, к которым власть прибегает для осуществления коммунизма, нет враждебности к самому Советскому Государственному Строю, как таковому. Владимир Гал. по прежнему утверждает, что введение социализма составляет насущнейшую задачу нашего времени. Если-бы Владимир Гал. имел намерение бороться своими письмами с большевиками, он не ставил-бы самую свою борьбу и даже возможность „борьбы“ в прямую зависимость от воли и творчества одного из виднейших большевиков А. В. Луначарского. Говорю о зависимости даже самой „борьбы“ от творчества Луначарского, т. к. появление писем в печати связывалось с моментом написания Луначарским возражения. Но Владимир Гал. горел желанием убеждать! Однако, обращение к Луначарскому нельзя объяснить желанием появиться в „Советской“ печати, проникнуть „хотя этим путем“ в нее, обратиться к массам. Стремления проникнуть в эту печать у Владимира Гал., в виду тех обстоятельств, о которых речь несколько ниже, и его несгибаемой прямоты не было. И если-бы Владимир Гал. желал „бороться“, он конечно легко мог-бы выпустить письма совершенно самостоятельно, хотя-бы и нелегально, не ослабляя их впечатления возражениями. Найти способы отдельно и нелегально издать письма ему не составило-бы труда. Такой всегда несгибаемый, кри-

стально чистый и твердый человек, как Владимир Гал., не мог-бы поступить иначе! В своей жизни ранее он сотрудничал и в заграничной нелегальной печати, напр., в „Освобождении“. А разница между борьбой и убеждением — громадна. Борются с врагом, а убеждают того, в общую политическую честность кого верят, хотя-бы отдельные поступки или направление деятельности вызывали самое резкое убеждающее осуждение и убеждающие упреки.

Помню, Владимир Гал. все свои надежды возлагал на то, что большевики, убедившись в невозможности осуществить немедля коммунизм, найдут в себе силы честно отказаться от прежнего пути, свернут на новый и об‘явят об этом. Большевики силы отказаться от прежней линии поведения нашли. Владимир Гал. написал свои письма с полной откровенностью мысли, в них его непорочная совесть, его душа. И хочется, чтобы А. В. Луначарский почувствовал важность этой своей литературной работы по возражениям к письмам Короленко и чтобы, благодаря этому самыя письма были напечатаны в Советских республиках, что так должно из уважения к памяти Владимира Галактионовича.

Для Полтавской советской печати Владимир Галактионович не писал. Но не потому, чтобы считал такое писание зазорным, а потому, что Редакция Полтавских „Известий“ выкинула в отношении его недопустимую выходку, и он дал себе слово никогда ничего не писать в советских изданиях. Произошло это так. — В 1919-м году Владимир Галактионович сдал в Полтавские „Известия“ свою статью из истории Французской Революции. Итак, тогда он считал для себя принципиально возможным писать в „Известиях“. Но редактор „Известий“ статьи не напечатал, а сделал из нее совершенно искаженные выдержки, к которым присоединил свои возражения. Владимир Галактионович написал письмо в редакцию с поправками и ответом. Редакция и письма не на-

печатала. Это так возмутило Владимира Галактионовича, что он и дал себе свое слово. Но затем этот редактор ушел. После того попадались разные редакторы. В 1920-м году в качестве редактора „Известий“ Губпарком назначил настоящего литературного работника, искренне убежденного коммуниста — Димитрия Стонова, любящего книгу и глубоко почитающего Владимира Галактионовича. Стонов решил выпускать в Полтаве журнал — внепартийные литературные сборники „Радуга“, куда привлечь Владимира Галактионовича. Я говорил об этом Владимиру Галактионовичу. После того Стонов посетил Владимира Галактионовича и горячо просил принять какое-либо участие в предполагаемых сборниках с тем, что предоставит Владимиру Галактионовичу для удобства чтения в корректурах все намеченные вещи и обязуется не печатать ничего такого, против чего выскажется Владимир Галактионович, обязуется снять набранные и не нравящиеся ему вещи.

Владимир Галактионович колебался, говорил, что пишет „Записки моего Современника“ и связан с издательством „Задруги“, а старой готовой вещи нет и просил дать день подумать, но все-таки через день отказался, заявив что не может отступиться от своего слова самому себе, тем более, что издание это Губисполкома, а онъ никогда в Правительственных изданиях не писал.

Сборник „Радуга“ затем вышел из печати и был послан Владимиру Галактионовичу. Как-то я застал его за чтением этой книги. На экземпляре второго сборника „Радуги“ была сделана в типографии печатная надпись, что книга — „В. Г. Короленко“ и ему поднесен именной. Появление первого сборника „Радуги“ вызвало радостно-сердечное — „Открытое Письмо Всеукраинского Союза Писателей“, опубликованное в газетах. „Радугу“ приветствовали также петроградские „Известия“ и Московская газета, — название которой забыл.

А Владимир Галактионович неизменно и упорно работал над „Записками моего Современника".

V.

Передо мною ряд писем Владимира Галактионовича, воскрешающих в памяти ту вечно тревожную заботу его за других, непосредственным свидетелем которой я был в течение 1920 и 1921 годов. Письма Владимира Галактионовича ко мне начинаются с 7 июня 1920 года. К этому времени Владимир Галактионович уже тяжело болел и почти никуда лично по делам не обращался. Ранее он сам постоянно ходил в Губчека просить за арестованных. Его там внимательно выслушивали, с ним очень считались. Вместо него теперь это делали П. С. Ивановская и я, а затем и К. И. Ляхович.

Первое письмо относится к делу Аронова. Это — то дело, о котором я уже упоминал в связи с письмами Владимира Галактионовича к Луначарскому.

Полтавская Чрезвычайная Комиссия обвиняла владельца паровой мельницы Аронова в крупных спекуляциях на муке, результатом чего явилось непомерное вздутие цен па хлеб. Но рабочие через посредство фабрично-заводского комитета мельницы ходатайствовали за Аронова, доказывая, что он не виновен, что злоупотребления на мельнице производились по настоянию самих рабочих. Владимир Галактионович направил ко мне на службу представителей Комитета. Они указывали, что органы надзора Опродкомарма — (продовольственные власти) не усмотрели никаких нарушений декрета. По моему представлению Председатель Губисполкома послал в Губчека требование Президиума Губисполкома или освободить Аронова или немедля передать дело на рассмотрение судом Губревтрибунала. После этого очень быстро и неожиданно сменился Председатель Губисполкома. Губчека не исполнила требование Губисполкома и, не передавая дела в Ревтрибунал, рас-

стреляла Аронова и других четырех так или иначе связанных с ним лиц.

Родственники Аронова и других, узнав о переводе заключенных из тюрьмы в подвал Губчека, уже спустя два дня после расстрела арестованных, побежали к Владимиру Галактионовичу просить спасти. В этот день Луначарский приехал в Полтаву, навестил Владимира Галактионовича и отправился на митинг в городской театр, где должен был говорить речь. Родственники расстрелянных убедили Владимира Галактионовича поехать в театр попросить Луначарского повлиять на Председателя Губчека. Короленко поехал. Чтобы говорить с Луначарским, Владимир Галактионович прошел на эстраду, где ему немедля предоставили стул. Появление Короленко в театре на митинге произвело сенсацию. При выходе Короленка собравшиеся на улице толпы народа устроили ему овации. Утром Владимир Галактионович узнал из записки уехавшего Луначарского, что Аронов и другие уже за два дня до обращения Владимира Галактионовича были расстреляны. Узнав в свою очередь от Владимира Галактионовича о состоявшемся расстреле, я заявил Председателю Губисполкома, что расстрел произведен в разрез с требованиями Президиума Губисполкома с явным нарушением декрета, о взаимоотношениях. Как сообщил мне после того Председатель Губисполкома, — Предгубчека об'яснил, что заступничество Комитета рабочих потеряло перед расстрелом значение, т. к, выяснилось, что Комитет этот состоит из родственников Аронова.

История расстрела Аронова и других глубоко взволновала Владимира Галактионовича и в связи с нею он писал в Харьков, писал Луначарскому в своем первом „письме“.

Через некоторое время Председатель Губчека был переведен на значительно низшую, лишающую руководящей роли должность — следователя Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. К этому то эпи-

зоду и относится нижеследующее письмо Владимира Галактионовича, (приводимое дословно, как затем и последующие его письма, — с сохранением орфографии и всех особенностей). Я только не называю фамилий Председателей Губчека и Губисполкома.

„Дорогой Владиміръ Вильямовичъ.

Вчера меня заставили продѣлать комедію: для спасенія жизни 5 человѣкъ я ѣздилъ в театръ къ тов. „X“ *) и Луначарскому. Тов. „X“ увѣрилъ меня, что эти 5 человѣкъ живы и что ихъ не казнятъ. Сегодня я узналъ, что они казнены третьяго дня. Относит. Аронова я лично видѣлъ заключеніе (официальное), что предавать суду нѣтъ основаній и поступило въ томъ-же смыслѣ ходатайство рабочихъ. Вотъ чѣмъ замѣненъ судъ въ вопросахъ человѣч. жизни!

Теперь родные просятъ выдать имъ тѣла. Присоединяюсь къ этому ходатайству и прошу Васъ передать это мое ходатайство тов. Z. **)

Жму руку

Вл. Короленко.

7 іюня 1920 г.

Я сегодня никуда не гожусь и потому прошу Васъ передать мое ходатайство“.

Я передал Председателю Губисполкома (в это время был другой) письмо Владимира Галактионовича, приложенное к моему.

Предгубисполком прочел, отрицательно покачал головой и взволнованно, искренно заговорил.

— Мне безконечно жаль Короленко. В тяжелое для него время живет он. Но свобода жертв искупительных требует. Мы не можем не расстреливать спекулянтов, вздувающих цены на хлеб. Чересчур много людей голодает и недоедает, чтобы они издевались над населением. Они — злейшие враги советской власти, так как срывают всякую планомерную работу. Это самый подлый вид грабителей!

*) ПРИМЕЧАНИЕ: Названа фамилия Председателя Губчека.
**) ПРИМЕЧАНИЕ: Названа фамилия Председателя Губисполкома.

— Но ведь я уже говорил вам, что Аронов расстрелян вопреки распоряжению вашего предшественника, вопреки декрету, показывал отпуск бумаги и декрет...

— Все равно, он был несомненным спекулянтом..,

— Этого я не знаю. А если бы даже так... Но ведь его расстреляли без суда! Как можно убивать без суда! История никогда не прощает окровавленных рук...*)

Председатель Губисполкома побледнел и волнуясь прервал меня.

— Не в этом сейчас дело! А в том, что вся эта спекулянтская публика рвет Короленка на части. А он так болен и так переживает все это. Когда спекулянты собираются наживать на крови народной миллионы, они уже заранее здесь в Полтаве видят в нем якорь спасения! Жульничают, а он за них мучается, терзается. Было бы очень хорошо, если бы Короленко поселился за городом, вдали от всей этой передряги. Мы создали бы ему полный покой, все удобства. Пусть отдохнет и побудет в стороне от таких впечатлений. Может быть его здоровье скорее поправится... Но трупов отдавать невозможно, из них устроили бы демонстрацию...

В тот-же день под вечер я был у Владимира Галактионовича. Он лежал больной в постели, читал старую книжку журнала „Мир Божий“.

— Вот, после вчерашнего, раскис я совсем, — произнес он.

Я рассказал Владимиру Галактионовичу о разговоре с Председателем Губисполкома.

Он даже вскочил на кровати.

— Никуда, никуда, не поеду! — закричал Вла-

*) ПРИМЕЧАНИЕ: Я выступил потом с речью против расстрелов в переполненном городском театре во время инсценировки процесса над убийцами Карла Либкнехта и Розы Люксембург, где тоже говорил об этом. Для меня одинаково недопустимы какие-бы то ни было расстрелы хотя-бы и злейших уголовных преступников-злодеев.

димир Галактионович. — Буду здесь, буду здесь! Буду все время им писать!

И тут-же Владимир Галактионович сообщил мне, что сегодня уже послал Председателю Губчека „X“-му письмо, в котором просит за новых кандидатов на расстрел — Могилевского и других. Так как письмо носила София Владимировна, которая передала его через коменданта Губчека, то он боится, что письмо могло не дойти, или Председатель Губчека не обратил на него должного внимания. Владимир Галактионович говорил, что хочет знать результаты своей просьбы. Поэтому он просил меня сходить к Предгубчека узнать результат. Я отправился. Спросил, получил-ли письмо. „X“ протянул письмо Владимира Галактионовича и ответил, что никто расстрелян не будет. Тогда я, написав на этом письме в его присутствии: „Могилевский и другие не будут расстрелены“, сказал, что Владимир Галактионович так расстроен происшедшим, что лежит в постели, и его надо успокоить. Для этого я отнесу обратно письмо Владимиру Галактионовичу, как бесспорное доказательство, что оно было у „X“ и что им дано обещание не расстреливать... Письмо я действительно показал Владимиру Галактионовичу, но оставил у себя, т. к. „X“ мог потребовать его обратно. Но „X“ неожиданно выехал из Полтавы. Письмо так и осталось у меня. Когда затем, уезжая заграницу, я должен был в течение одного дня ликвидировать все дела в Полтаве, бросая разное имущество, я не мог расстаться с письмами Владимира Галактионовича и взял их с собой... Вот это письмо, так ярко выявляющее Владимира Галактионовича. В письме вместо фамилии Предгубчека снова ставлю букву „X“.

„Товарищъ „X“

Съ отчаяніемъ узналъ изъ записки Тов. Луначарскаго, что вчерашнее мое ходатайство запоздало. Теперь узнаю, что опять есть также арестованные, родные которыхъ въ отчаяніи, зная о казни Аро-

пова, Миркина и другихъ. Вчера вы обѣщали мнѣ, сдѣлать „все возможное“ для избѣжанія казни. Къ сожалѣнію, это было уже поздно. Пусть это обѣщаніе обратится съ этого потеряннаго прошлаго на будущее, если этимъ арестованнымъ (какъ Могилевскому) грозитъ та-же участь. Прошу Васъ объ этомъ.

Вл. Короленко.

8 іюня 1920“.

В некоторой связи с вышеизложенным эпизодом находится приводимое ниже ненапечатанное письмо Владимира Гал. в редакцию стенной газеты „Укроста“.

Заграницей в русской газете я прочел сообщение, будто Луначарский напечатал в российских газетах о своем Полтавском разговоре с Короленко лживые сведения, а Владимир Гал. пытался эти сведения опровергнуть, но Советская власть ему не дала возможности. Это все не соответствует действительности.

Выдумку о разговоре среди текста хроники „Укросты“ о митинге пустил молодой репортер (он не коммунист) большой и бесцеремонный любитель сочинять сенсационные сведения. Он напечатал, что В. Г. Короленко восхвалял сильную Советскую власть. И так как эта ложь о поведении Владимира Гал. была изготовлена в Полтаве уже после от'езда Луначарского, о чем и при мне в редакции шел разговор, то я и могу утверждать, что к этой выдумке Луначарский не имел никакого отношения. И уже конечно, если-бы Владимир Гал. мог по обстановке предполагать, что выдумка идет от Луначарского, то не стал бы затем писать ему свои „Письма“.

Луначарский чтил В. Г. Короленко. Когда умер Владимир Гал., Луначарский написал о нем в некрологе: „Его дух большой любви к миру и к людям переживет нас и будет жить вечно“...

Владимир Гал. отправил в „Укросту“ возражение. Редакция текста письма не напечатала, а поместила лишь сообщение, что опубликованные све-

дения о разговоре между В. Г. Короленко и А. В. Луначарским не соответствуют действительности.

Ни Владимир Гал., ни я не знали о появлении, утром этого опровержения от имени самой редакции и Владимир Гал. дал мне дубликат опровержения, чтобы я пошел настоять в редакции на напечатании. В редакции мне показали уже напечатанное редакционное опровержение, утверждая будто так оно „сильнее"... И я не мог уже добиться напечатания хотя и повторного, но от самого Владимира Гал. опровержения. Пусть хоть теперь исполнится его желание!

„Копія.

9 іюня мною послана въ редакцію газеты „Укроста" слѣдующая поправка для напечатанія въ газетѣ:

Тов. Редакторъ.

Въ сегодняшнемъ номерѣ „Укросты" приведены между прочимъ якобы мои слова, сказанныя послѣ митинга тов. Луначарскому. Если уже газета сочла нужнымъ приводить мои слова, то прошу изложить ихъ точно, какъ они были сказаны. Дѣло въ томъ, что болѣзнь рѣшительно не позволяетъ мнѣ посѣщать митинги. На этотъ разъ я отступилъ отъ этого правила для предъявленія ходатайства властямъ (слово: „властямъ" — надписано) о нѣсколькихъ жизняхъ. Былъ радъ, что при этомъ случаѣ мнѣ удалось (слова: „мнѣ удалось" — надписаны) прослушать хоть одну рѣчь на митингѣ, а затѣмъ, обратясь къ тов. Луначарскому, я сказалъ буквально слѣдующее:

„Я прослушалъ Вашу (в слове: „Вашу" — исправлена буква „в" на „В") рѣчь. Она проникнута увѣренностью въ силѣ. Но силѣ свойственны справедливость и великодушіе, а не жестокость. Докажите-же въ этомъ случаѣ, что вы дѣйствительно чувствуете себя сильными. Пусть вашъ пріѣздъ ознаменуется не актомъ мести, а актомъ милосердія".

Ничего другого я не сказалъ и перешелъ къ изложенію самого ходатайства.

Вл. Короленко".

Менее всего хочу в воспоминаниях о Владимире Галактионовиче говорить о самом себе! Но приводимые ниже письма Владимира Галактионовича к сожалению побуждают так поступить. В период времени, к которому относятся письма, я состоял юрисконсультом Губисполкома, т. е. был „техническим работником“, неимеющим никакой власти. Служебное положение давало мне возможность лишь входить в Учреждения, попадать к главе ведомства и лично просить. Но и только! И уверенность Владимира Галактионовича в силе моего заступничества, в том, что я могу избежать „лишнего пролития крови“ зиждилась, конечно, не на моем служебном оффициально положении и не на том, что, проливая эту кровь или принимая в ее пролитии какое-нибудь косвенное участие, я мог и остановить самое пролитие ее! Конечно, нет! — Владимир Галактионович подарил мне в это самое время свою книжку „Бытовое Явление“ — этот вопль против смертных казней, — с надписью, в которой к моему имени прибавляет: „собрату по оружію на память. Іюнь 1920 г. Вл. Короленко“.

Юрисконсульт Губисполкома не имел и не мог иметь никакого служебного влияния на Чрезвычайную Комиссию. Мое заступничество иногда принималось во внимание в Президиуме Губисполкома и в Чрезвычайной Комиссии, как исходящее, хотя и от внепартийного человека, но от старого рабочего адвоката и политического защитника, кроме того литератора, хотя и маленького, но такого, который в царские времена, в годы реакции отстаивал и пером интересы трудящейся бедноты, а также благодаря несомненному стремлению некоторых представителей Губчека соблюдать законность, а в силу моего прошлого также и доверия ко мне, как юристу. Может быть здесь кроме того имело некоторое значение и то, что в кругах близких к Губисполкому знали из документов о моем отказе от служебной карьеры: мне,

не смотря на внепартийность, — было оффициально предложено занять пост Управляющего делами Народного Комиссариата Социального Обеспечения; я от этого отказался, оставшись небольшим служащим. Так или иначе Владимир Гал. хорошо знал, что меня всегда внимательно выслушивали.

Я сказал Владимиру Галактионовичу, что не хочу вступаться за взяточников и спекулянтов, т. к. всегда отказывался от защиты людей, измывавшихся над чужой нуждой. Сказал, что не хочу вступаться (как частное лицо) особенно теперь, когда общая нужда еще сильнее. В этом об'яснение слов Владимира Галактионовича в письме: „не стану этого доказывать подробно“.

Но в случаях даже таких антипатичных мне дел как о взяточничестве, когда я, какъ должностное лицо находил чьи либо права нарушенными вопреки декретам, я вступался самым решительным образом, далеко выходя за пределы моих служебных обязанностей, которые, — по инструкции Наркомвнудела, должны были сводиться к докладу заведующему информационно-инструкторским Подотделом.

И как раз именно в данном случае, наведя по письму Владимира Гал. справку и узнав о состоявшемся уже смертном приговоре, а также о предстоящем ночью расстреле я срочно подал письменные заявления о приостановлении приговора по этому делу для пересмотра, т. к. по декретам РСФСР и УССР максимум наказания для дающих взятки определен пределом — лишения свободы и конфискацией имущества, а не расстрелом. Заявления были поданы мною одновременно Председателю Губисполкома, Заведующему Губернской Рабоче-Крестьянской Инспекцией и Председателю Губчека с копией украинского Декрета, причем я мотивированно доказывал, что расстрел дающих взятки вообще противозаконен.*) Председатель Губ-

*)Примеч. Эта моя точка зрения была затем подтверждена раз'яснением Верховного Кассационного Суда Украины по жалобе нашей — А. Б. Левитина, Я. И. Козакова и моей на приговор Полтавского Губревтрибунала.

исполкома, — тот, о жестокости которого я писал, — на этот раз деятельно пошел мне на встречу и, позвонив по телефону Предгубчеке, потребовал приостановить расстрел. Предгубчека примчался в Губисполком. Меня вызвали. Произошло об'яснение с Предгубчека в присутствии Предгубисполкома. Я настаивал на своем. Меня сначала поддерживал Предгубисполком. Предгубчека, раздраженный „вмешательством", указывал, что в данном случае взяткодательство было лишь средством к проведению крупной спекуляции, а за спекуляцию Губчека имеет право расстреливать и никто, кроме установленных учреждений, не может вмешиваться в ея деятельность. Тогда за крупные спекуляции Губчека действительно имела право расстреливать.

Мое заступничество не помогло. В тот-же день ночью произошел расстрел. Что касается до получивших взятку милиционеров, то они были расстреляны, как коммунисты. Практика Полтавской Губчека была особенно строга специально в отношении коммунистов, провинившихся в получении взятки. Вот это письмо Владимира Галактионовича, потребовавшее таких подробных об'яснений.

„Дорогой Владимиръ Вильямовичъ!
Мнѣ говорятъ опять будто предстоятъ казни по дѣлу Соколова и Файна, обвиняемыхъ во взяточничествѣ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, чѣмъ мысль, что казнями можно регулировать цѣны или отучить отъ взяточничества. Не стану этого доказывать подробно, такъ какъ Вы и сами знаете это изъ исторіи Французской революціи. Увѣренъ, что Вы сдѣлаете все возможное для того, чтобы избѣжать лишняго пролитія крови. Казнь грозитъ, кажется двумъ милиционерам, двумъ факторамъ и пожалуй еще кому нибудь. Жму руку

Вл. Короленко.

27 іюня 1920 г."

Перехожу к письмам Владимира Галактионовича, не требующим подробных или предварительных пояснений. После каждого из них даю справку об исходе его ходатайства.

„Дорогой Владимиръ Вильямовичъ

Пересылаю Вамъ адресованную Вамъ записочку. Чувствую себя виноватымъ, что не сдѣлалъ этого ранѣе. Надѣялся увидѣть Васъ у себя в воскрес. Жму руку

Вл. Короленко.

12 іюля 1920 г. (н. с.)“

Кстати: скоро поступитъ в исполком (по отд. управленія) просьба: ихъ заведеніе закрыли. Они кажется правильно находятъ, что это нарушаетъ декретъ о кустаряхъ. Я сказалъ имъ, что и безъ моего письма Вы бы привели въ юрисконсультской справкѣ всѣ декреты, которые служатъ къ их законной защитѣ. Въ самомъ дѣлѣ, — это странно: люди-рабочіе и бывшіе хозяева одинаково лишаются работы.“

Владимир Галактионович знал, что я вообще защищал всех кустарей, давал им письменные заключения — справки о недопустимости отобрания их инструментов, мастерских, орудий труда, ссылаясь на декреты РСФСР и УССР, настойчиво оберегающие интересы этих трудящихся. Но декреты о кустарях на Полтавщине не соблюдались. В ответ на мои непрерывные протесты Предгубисполком внес общий вопрос об этих конфискациях и реквизициях у кустарей в частности по делу фотографов в пленарное заседание Президиума, куда я был позван представить свои об'яснения. Я цитировал бесспорные декреты, настаивая на своем, но Президиум Губисполкома единогласно постановил, что не может соблюдать законности, т. к. Полтавская губерния находится близь театра военных действий Петлюры, идущего с поляками на Украину, и Губисполкому необходимо одевать разутую и раздетую Красную Армию, необходимы машины, а покупать их не

на что, почему и остается отбирать бесплатно. И действительно, у портних и портных, часто у самых бедных тружеников отбирали швейные машины, у слесарей станки, инструменты. Я по прежнему неизменно писал этим горько обижаемым ремесленникам свои справки о декретах в надежде, что они быть может хотя со временем помогут им получить обратно свои инструменты.

Положение вопроса резко изменилось к весне 1921 года, когда прекратился гражданский фронт, особенно же после того, как Всеукраинский С'езд Советов в категорических выражениях подтвердил самое неуклонное исполнение на местах этих декретов. Советские мастерские начали возвращать кустарям по требованию Губисполкома станки, швейные машины и другие инструменты или части их, отобранные год назад. Перед моим выездом заграницу я испытал радость, что мне удалось оказать в этом содействие.

Перехожу к письму Владимира Галактионовича по политическому делу.

„Дорогой Владиміръ Вилліамовичъ

Не знаю, въ состояніи ли Вы теперь выступить въ качествѣ правозащитника. Пишу на случай если можете. Будутъ судить въ ревтрибуналѣ миргородцевъ за прошлогоднее повстаніе, по которому раз уже была объявлена амнистія. Теперь говорятъ, что миргородская Ч. К. объявила амнистію неправильно. Но амнистія все таки была расклеена на улицахъ Миргорода и нельзя изъ нея дѣлать ловушку. Послѣ этого нѣкоторые изъ нынѣшнихъ подсудимыхъ служили даже у сов. власти и ни в какихъ новых преступленіях не обвиняются. Евдокія Андреевна Иващенко, жена одного изъ подсудимыхъ, обращается к Вамъ съ просьбой взять на себя ихъ защиту. По моему почва для защиты благодарная. Если сами не можете, то не укажете-ли какого ниб. подходящаго

право-заступника. Я знаю Дубенскаго, который разъ блестяще провелъ защиту в рев-трибуналѣ въ прошломъ году.

Жму руку. Всего хорошаго

Вл. Короленко.

13 авг. 1920"

Дело Миргородцев, о котором пишет Владимир Галактионович, действительно поступило в Ревтрибунал. Правозаступниками были назначены А. Б. Левитин, Я. И. Козаков и я, т. е. та тройка, которая защищала по более сложным делам в Полтаве. Но выступить нам не пришлось. Ревтрибунал в распорядительном заседании прекратил это дело, и все обвиняемые были освобождены.

Перехожу к письму Владимира Галактионовича снова по делу о спекуляции.

„Дорогой Владиміръ Вильямовичъ

Простите, что безпокою Васъ, но дѣло идетъ о жизни. Опять спекуляція и опять угроза разстрела. Прочитайте прилагаемое письмо мое, и помогите дѣтямъ Каневскаго, чтобы это письмо попало къ тов. „У." *) Жму руку

Вашъ Вл. Короленко.

4 октября 1920"

Приложенное при этом письме Владимира Гал. другое письмо на имя Председателя Губисполкома „У" я, конечно, передал. Каневский не был расстрелян и наверно давно освобожден.

Большого внимания заслуживает печатаемое в точной копии письмо Владимира Галактионовича о красноармейце Штепе, осужденном за побег во время военных действий (наступление поляков).

„Дорогой Владиміръ Вильямовичъ

Вчера револ. трибуналъ приговорилъ 19 лѣтняго Ефима Штепу, красноармейца, за побѣгъ и уносъ винтовки и патроновъ къ разстрѣлу. Срокъ со вче-

---

*)ПРИМЕЧАНИЕ: В оригинале письма стоит вместо „У" фамилия Председателя Губисполкома.

Дорогой Владимiръ Вильямовичъ

Вчера револ. трибуналъ приговорилъ 19 лѣтняго Ефима Штейну, красноармейца, за побѣгъ и уносъ винтовки и патроновъ къ разстрѣлу. Срокъ со вчерашняго дня 48 часовъ. Мнѣ разрѣшено на телеграмму (с просьбой) о помилованiи. Я бы охотно присоединилъ свою подпись, но не умѣю, какъ это сдѣлать относит. разрѣшенiя. Помогите совѣтомъ подателю этой записки, брату приговореннаго.

7 окт. 1920

Вашъ Ил. Короленко

Пожалуйста дайте совѣтъ, какъ лучше присоединить и свое имя къ просьбѣ о томъ, чтобы Штейну дали возможность искупить вину на фронтѣ. Союзъ рабочихъ и служащихъ заявляетъ, что Штейнъ во время ~~власти~~ германо и деникинской (очень) укрывалъ преслѣдуемыхъ (не смотря на молодость — ему 19 л.). Нѣкоторымъ лицамъ работникамъ оказывалъ такiя услуги — былъ и одинъ изъ судей рев. трибунала. Если понадобится, подпишите просьбу и отъ моего имени.

Вашъ В. Короленко

рашняго дня 48 часовъ. Есть разрѣшеніе на телеграмму съ просьбой (въ оригиналѣ слова: „съ просьбой“ — надписаны.) о помилованіи. Я бы охотно присоединилъ свою подпись, но не знаю, какъ это сдѣлать относительно разрѣшенія. Помогите совѣтомъ подателю этой записки, брату приговореннаго.

Вашъ Вл. Короленко.

7 октября 1920.

Пожалуйста дайте совѣтъ, какъ мнѣ присоединить и свое имя къ просьбѣ о томъ, чтобы Штепѣ дали возможность искупить вину на фронтѣ. — Союзъ рабочихъ и служащихъ заявляетъ, что Штепа во время гетмана и Деникинцевъ (за словами: во время“ в оригинале следовало зачеркнутое: „реакции,“ сверху надписано: „гетмана и Деникинцевъ“) часто скрывалъ преслѣдуемыхъ не смотря на молодость — ему 19 лѣтъ. Въ числѣ лицъ, которымъ онъ оказывалъ такія услуги — былъ и одинъ изъ судей рев. трибунала. Если понадобится, подпишите просьбу и отъ моего имени.

Вашъ В. Короленко“

Я знал, что незадолго перед этим Владимира Галактионовича посетил будучи в Полтаве Командующий всеми вооруженными силами Украины, бывший политический каторжанин Фрунзе, поэтому и посоветовал Владимиру Галактионовичу телеграфировать о спасении жизни Штепы самому Фрунзе, как лицу, в ведении которого были все военные ревтрибуналы.

Фрунзе охотно пошел на встречу Владимиру Галактионовичу.

По „оригинальному“ делу доктора Тюрьморезова обратился ко мне Владимир Галактионович. Повышение по службе переводом в столицу, вероятно прежде всего вызванное аттестацией Владимира Галактионовича в письме к главе Правительства Укра-

ины Х. Г. Раковскому, (по образованию тоже доктору), неожиданно явилось для доктора Тюрьмерезова тяжелым ударом. Вот это письмо Владимира Галактионовича.

„Дорогой Владиміръ Вильямовичъ

Михаилъ (в оригинале зачеркнуто — „Вилья“) Емельяновичъ Тюрьморѣзовъ — докторъ, — спеціалистъ по ушнымъ болѣзнямъ. Недавно судился ревтрибуналомъ за то, что выдалъ жел. дорожному рабочему свидѣтельство объ освобожденіи отъ работы по болѣзни, а тотъ в тотъ-же день работалъ в другом мѣстѣ. Объясненіе простое: у рабочаго былъ нарывъ на ладони и ту работу, на которой онъ состоялъ въ данное время, онъ работать дѣйствительно не могъ и сталъ на другую, гдѣ рука ему не мешала. Как бы то ни было М. Е. Тюрьморѣзова приговорили к ссылкѣ в сѣв. губернии. Приговоръ (безапелляціонный) до такой степени нелѣпъ, что я написалъ Х. Г. Раковскому, и Тюрьморѣзова не безпокоятъ. Но теперь надъ нимъ стряслась другая бѣда: его переводятъ в Харьков на совѣтскую службу. Здѣсь у него хорошая практика, здѣсь его знаютъ, а въ Харьковѣ ему грозитъ голодъ, т. как придется жить на одно жалованіе. У него семья. Нельзя-ли посредствомъ декрета, о которомъ Вы мнѣ говорили на дняхъ, придумать какъ-нибудь законный выходъ? Я былъ-бы Вамъ за это очень благодаренъ.

27 ноября 1920 г. Вашъ Вл. Короленко“.

Я говорил Владимиру Галактионовичу о декрете 4-го Февраля 1920 года, защищающем врачей от реквизиций, ограждающем их квартиры от вселения. Мне пришлось много выдавать врачам Полтавы удостоверений — справок об этом декрете, т. к. фактически такие удостоверения в глазах некоторых сотрудников Жилотдела заменяли охранные грамоты. Но, конечно, к случаю с доктором Тюрьморезовым этот декрет не имел никакого отношения, о чем я к

сожалению и должен был сообщить доктору и Владимиру Галактионовичу. Дальнейшей судьбы доктора не знаю.

В разговорах Владимир Галактионович сравнительно часто упоминал фамилию доктора Яковенко, в санатории которого жил зимою конца 1919 и в начале 1920-го года, под Шишаками в 18 верстах от Хаток, тоже на берегу Псла.

Вот письмо Владимира Галактионовича, относящееся к нему.

„Дорогой Владимір Вильямовичъ

Вчера я получилъ отъ Всеволода Владимир. Яковенка (сына д-ра Яковенко) письмо. То, что онъ въ немъ сообщаетъ, очень характерно и очень по моему серьезно. Въ домѣ В. И. Яковенка, въ которомъ прежде была его частная санаторія, теперь сдѣлана санаторія совѣтская, состоящая в завѣдываніи миргородского здравотдѣла. В. И. Яковенко назначенъ завѣдующим этой санаторіей. Яковенки оставили за собой только двѣ комнаты (для Яковенко съ женой и сынъ съ маленькой дочерью). Для обслуживанія санаторіи имѣются экономка, кухарка, кучеръ, истопникъ и два подростка рабочіе. Кромѣ того есть тоже в качествѣ служащаго еще латышъ, нанятый самимъ Яковенкомъ ранѣе и оставленный на службѣ и его семейство, живущее въ санаторіи, въ отдѣльной хаткѣ. При санаторіи существуетъ комитетъ служащихъ и Яковенки (жена д-ра Яковенка тоже врачъ и сынъ) входятъ в составъ этого комитета, который зависитъ исключительно отъ мирор. *) медицинскихъ властей. Мѣстный Шишакскій исполкомъ долженъ оказывать только содѣйствіе, не имѣя права вмѣшиваться в распоряженія. Между тѣмъ глава семьи латышей рѣшилъ, что можетъ самовольно бросить работу и оставить за собой всѣ преимущества

*) ПРИМЕЧАНИЕ: Описка Владимира Галактионовича вместо „Миргородских“.

служащаго в санаторіи. Онъ пересталъ работать, а только вмѣшивается в работу другихъ, дѣлаетъ другимъ служащимъ рѣзкіе выговоры, а однажды даже кинулся на В. И. Яковенка съ кулаками. Положеніе создалось необычное. Все это было уже на разсмотрѣніи миргор. санитарнаго отдѣла. 14 декабря латышъ (зовутъ его Вилцикъ) произвелъ бурную сцену, напавъ на одного служащаго с руганью. На замѣчаніе Яковенка, что онъ не имѣетъ на это права, — онъ и кинулся на Вл. Ивановича съ кулаками. Отъ миргор. здравотдѣла пришла бумага съ требованіемъ немедленнаго очищенія квартиры, занимаемой латышами, послѣ чего Шишакскій голова исполкома предписалъ исполнить это. Но срокъ миновалъ и никто не позаботился о выполненіи этого распоряженія, а голова заявилъ, что пока Вилцик не найдетъ квартиры, — его выселять (в оригинале слово „выселять" переделано из слова „высылать") нельзя. Это пожалуй справедливо, но квартиры никто не ищетъ, Вилцик живетъ по прежнему и только посмѣивается надъ распоряженіями здравотдѣла и завѣдующаго санаторіей.

Все это, конечно, относится къ миргородскому здравотдѣлу и онъ въ этомъ разберется. Но Яковенки опасаются мести Вилцика при явномъ покровительствѣ головы исполкома. Поэтому они просятъ, — нельзя ли выдать В. И. Яковенку и его женѣ, тоже доктору, охранную грамоту, ограждающую ихъ отъ всякихъ подобныхъ случайностей. Кажется есть декретъ в этомъ смыслѣ относительно врачей. Я въ прошломъ году осенью жилъ у Яковенковъ и видѣлъ, что это за семейка, и поэтому, думаю, что въ интересахъ самого дѣла — оградить Яковенковъ отъ подобныхъ случайностей и отъ вліянія на санаторское дѣло мѣстныхъ шишакских властей.

Крѣпко жму Вашу руку и желаю всего хорошаго.

15 января 1921 г. Вл. Короленко."

Я показал Заведующему Отделом Управления письмо Владимира Галактионовича. Были посланы телефонограмма и бумага, требующие от волисполкома выселить Вилцика в точно указанный телефонограммой короткий срок, и об исполнении под страхом личной ответственности Предволисполкома немедля донести. Вилцик был выселен. Кроме того, была передана Владимиру Галактионовичу для Яковенок копия декрета, ограждающего возможность работы врачей на Украине.

В период времени, когда вопрос о моей поездке заграницу в качестве юрисконсульта торговой делегации был уже решен, за восемь дней до от'езда я получил последнее письмо от Владимира Галактионовича.

„Дорогой Владиміръ Вильямовичъ

Кажется совершилось беззаконіе. На дняхъ совершенъ во многихъ квартирахъ обыскъ. Въ томъ числѣ у моей знакомой, Анисьи Емельяновны Заливадной и взято 30 (тридцать аршинъ матеріи). Во 1-х тутъ обращаетъ вниманіе количество, — тридцать аршинъ! Кажется, такое количество отъ конфискацій ограждено. Далѣе при водворяющейся у насъ свободѣ торговли, конфискаціи вообще, казалось-бы устранены (иначе, какая это свобода!). Вообще мнѣ чуется въ этомъ какой-то привкусъ злоупотребленія. А такъ какъ я знаю Анисью Емельяновну за человѣка честнаго, живущаго своимъ трудомъ, то и прошу Васъ, дорогой Владиміръ Вильямовичъ, сдѣлать все, что возможно для возстановленія закона.

Жму руку

Вашъ Вл. Короленко.

27 іюня 1921 г.“

Это письмо Владимира Гал. написано уже дрожащим почерком.

Обыск у Заливадной был совершен уголовным розыском в связи с какой-то кражей в

том же доме, или около него, материя была взята как вещественное доказательство. Я показал письмо Владимира Галактионовича Начальнику Губрозыска.

Об'яснению Заливадовой о происхождении материи поверили, и самая материя была возвращена ей в тот же день...

Так, будучи уже тяжело и безнадежно больным, продолжал Владимир Галактионович заботиться о других...

В день похорон Владимира Галактионовича 29 Декабря 1921 года в Полтаве был об'явлен всеобщий траур. Все театры, концерты, школы, магазины и правительственные учреждения были в этот день закрыты. Со всей губернии с'ехались крестьяне. На похоронах присутствовало около 150 тысяч человек. Шествие непрерывной толпы во всю ширину улицы от квартиры до кладбища двигалось 6 часов подряд.

Очевидцы, приехавшие из Полтавы, рассказывали мне об этом. Хоронили Короленка не только население, но и представители власти. Из Харькова на автомобиле приехало несколько народных комиссаров, а в качестве представителя от Совнаркома Наркомпрос Гринько...

Так жил, работал, умирал и был похоронен В. Г. Короленко.

Когда я уезжал, то знал, что дни Владимира Галактионовича сочтены.

Не хочется и говорить, как тяжело было расставаться...

Свете тихий погас...

Владимир Галактионович свыше 50 лет пробыл на своем славном посту защитника обижаемых, великого общественного деятеля-писателя. Его влияние

на людей, не смотря на старость 68-ми летнего старца, не падало, а росло...

Мечников говорит, что отличительным признаком наступившей старости является перемена характера, что самые лучшие люди делаются эгоистами, что старость это — эгоизм.

То-же утверждает медицина о больных склерозом мозговых сосудов.

Владимир Галактионович не знал эгоизма, не знал равнодушия к окружающей жизни!

В этом смысле Владимир Галактионович не знал ни старости, ни своей страшной болезни, ибо дух его побеждал и старость, и болезнь! Он всегда неизменно оставался юношески-молод душою. Это был дивный, изумительно красивый своей духовной красотой старик. И не только лицом этот великий гражданин, великий писатель походил на Л. Н. Толстого, нет. По достоинству он занял место Л. Н. Толстого и сделался олицетворением той народной совести, которую до него представлял Лев Николаевич.

И народы России его никогда не забудут.

Владимир Беренштам.

Русский книжный магазин
„МОСКВА"
Берлин